

ОЛЕНИ

ЛИКА
ЗВЕРИНЫ
СЕРЫ

ЧИТАТЕЛЬ!

*Просим сообщить Ваш
отзыв об этой книге по
адресу: Москва, Центр, Варварка,
Псковский пер., 7. Информа-
ционный Отдел
„З И Ф“*

СЕРИЯ „ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Вл. А. ПОПОВА

О Л Е Н И

НЕОБЫЧАЙНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ
ЖИЗНИ РУЧНЫХ И ДИКИХ ОЛЕНЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Олени. Очерк (по Брэм у).—В стаде диких карibu. Рассказ из жизни в канадских лесах Чарльса Робертса.—Лесная встреча. Рассказ Чарльса Робертса.—Поездка на северных оленях. Рассказ К. Гакман.—По следам Оленя Песчаного Холма. Рассказ Сетона Томпсона.—Выстрел сострадания. Рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—Два карibu. Рассказ Чарльса Робертса.—Приключения семьи косуль. Рассказ Ч. Бенсусана.—Бой у источника. Рассказ Чарльса Робертса.

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Обложка и 5 рис. худ. В. Ваггина
Напечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, дом № 16,
в колич. 10.000 экз. 8¹/₂ л.
Главлит № 89319.
МСМХХVII

О Л Е Н И

Очерк (по Брэму)

Олени — красивые и стройные жвачные животные из отряда парнокопытных.

Олень отличается сильным и красивым сложением; хвост у него очень короткий, шея плотная и довольно длинная, голова спереди узкая и оканчивается тупой мордой, уши заостренные, глаза большие и выразительные.

Главным украшением оленя являются красивые, большие и ветвистые рога. Олень сбрасывает рога каждый год, и на их месте вырастают новые. Молодые рога покрыты волосами, мягки и гибки; в Китае и Манчжурии они называются пантами. Панты ценятся очень дорого, как целебное средство; для этого их вываривают в кипятке и затем сушат.

Самым полезным из всех видов оленей является северный олень.

Лопари, тунгусы, самоеды, чукчи, финны, североамериканские индейцы пользуются этим животным для самых разнообразных надобностей.

Олень доставляет им мясо и молоко, шкуру для одежды; из рогов и костей его приготавливаются остроги и крючки для рыбной ловли; выделанными на дыму кожами обвешивают палатки, эти же кожи употребляют как одежду и одеяло.

Прирученного оленя используют, как вьючное и упряжное животное. Пойманные в юности северные олени скоро делаются ручными, но домашними, как наша корова или лошадь, олень никогда не бывает, а всегда остается в полудиком состоянии.

Оленеводством занимаются лопари, финны и многие народности Сибири. У оленеводов иногда имеются стада оленей, достигающие одной-двух тысяч голов. Эти стада бродят на воле и сами добывают себе пищу, которая состоит летом из травы и побегов деревьев, а зимою из лишая и мхов.

Для доения оленей загоняют в загоны. Посреди загона лежит несколько больших бревен, к которым и привязывают оленей во время доения; рот оленя на время доения затягивают веревкой. Молоко оленя густое, как сливки, приятное, сладковатого вкуса.

Шерсть у северного оленя гуще, чем у других видов оленей; особенно густа она бывает зимою, благодаря чему олень может переносить сильные холода. Цвет меха также меняется сообразно времени года. С наступлением весны богатый зимний

волосистой покров выпадает, а вместо него появляется короткий одноцветный серый мех. Но к осени между шерстью начинают прорастать белые волосы; зимою олени делаются почти совсем белыми.

В лесах Северной Америки водится разновидность северного оленя, так называемый карibu.

Одним из видов оленей является и лань.

Лань любит страны с умеренным климатом и живет, главным образом, вокруг Средиземного моря.

Своим внешним видом и нравом она напоминает козу; у нее более короткие ноги, чем у оленя, голова и уши также короче, а хвост длиннее.

Лань меняет цвет в зависимости от возраста и времени года. Летом ее мех рыжевато-бурого цвета, зимой серо-бурого.

Кожа лани прочнее и мягче кожи оленя и ценится дороже. Мясо лани вкуснее мяса оленя.

Обыкновенный или благородный олень до сих пор еще водится в Европе, Азии, Африке (так наз. варварийский олень), Америке, где он называется маралом. Благородный олень—самый изящный и красивый из оленей.

Зимой благородный олень серо-бурого цвета, летом он рыжеватого цвета. У телят в первые месяцы жизни бывают белые пятна на красно-буром фоне остального меха.

Очень редко встречаются благородные олени с белой окраской меха...

В СТАДЕ ДИКИХ КАРИБУ¹

Рассказ из жизни в канадских лесах
Чарльса Робертса.

I.

Ночной пожар

Пит Ноэль проснулся, весь дрожа, как после кошмара, в ушах его раздавался треск пламени, а горло щекотал едкий дым. Он сразу поднялся, сел на койке и моментально почувствовал, что ему прямо в лицо пахнуло страшным жаром. Вся его хижина ярко пылала. Вскочив с койки и волоча за собой одеяло, он бросился к двери, изо всех сил дернул ее и выскочил наружу, прямо в снег.

Постоянно живя в лесу, он был так же чуток и бдителен, как и четвероногие жители леса. Его мозг стал работать раньше, чем окончательно проснулось тело, а инстинкт оказался еще быстрее мозга. Когда Пит выскочил, он захватил не только одеяло, но и винтовку, пояс с патронами, лежав-

¹ Карibu—северо-американский олень. (Прим. ред.).

ший у изголовья койки, сапоги и длинное пальто, лежавшие в ногах. Спал он, как обычно спят охотники, почти совсем одетый.

Пит стоял возле хижины, в глубоком снегу и мигал опаленными веками, глядя на гибель своей хижины. Несколько мгновений он сосредоточенно разглядывал все вещи, которые держал в руке, и вдруг со страхом вспомнил, что это еще не все. Он опрометью бросился назад в хижину, в надежде спасти хоть кусок копченой свинины или ковригу хлеба.

Но прежде, чем Пит достиг двери хижины, длинный огненный язык вдруг лизнул ее, и полуослепленный охотник отскочил назад. Набрав полные горсти снегу, он стал прикладывать его к лицу, чтобы унять боль. Потом он отряхнулся, спокойно перенес все свои сокровища, которые ему удалось спасти, подальше от огня и уселся на свои одеяла, чтобы надеть сапоги: его ноги, обутые только в одни толстые носки, уже успели озябнуть.

До рассвета оставалось часа два. Воздух был совершенно неподвижен, и пламя подымалось прямо вверх, то мутно-красное, то ярко-желтое. За пределами жара высокие деревья резко потрескивали от свирепого холода. Было так холодно, что Пит, глядевший, как горит его маленькая одинокая хижина, чувствовал, что спина его словно покрывается льдом, в то время как лицо приходилось заслонять от жара то одной, то другой рукой.

Пит Ноэль не любил унывать. Всякий другой горевал бы о том, что беда постигла его, но Пит радовался тому, что ему посчастливилось выйти из хижины живым и невредимым. Надев пальто, он, к своему великому удовольствию, нашел в его глубоких карманах спички, табак, трубку, большой складной нож и рукавицы.

До ближайшего поселка было миль сто, до ближайшего лагеря дровосеков—миль шестьдесят. Съестных припасов у Ноэля не было, снег был больше чем в метр глубины и очень рыхлый, а его надежные лыжи, с помощью которых он мог бы преодолеть все эти трудности, сделались добычей огня.

Но Пит утешал себя мыслью, что могло быть гораздо хуже. Что, если бы он выскочил босиком? Эта мысль напомнила ему о том, что его ноги озябли. Пока хижина стояла, она служила ему приютом, а теперь, когда она уже больше не годилась для этого, ее развалины все-таки могли доставить ему некоторые удобства.

Тщательно сложив свои одеяла возле большого пня, Пит уселся на них, набил и закурил свою трубку, откинулся назад, оперся о пень и вытянул ноги к огню. У него было еще впереди достаточно времени, чтобы пуститься в путь, а пока хижина горела, у него все еще был «дом».

Когда первые серые лучи рассвета, прозрачные, как стекло, и резкие, как сталь, стали пробиваться между старыми деревьями, огонь совсем

погас. Хижина превратилась в кучу раскаленных углей и пепла, там и сям еще иногда вспыхивало полубогорелое бревно, и среди развалин торчала раскаленная до-красна поломанная маленькая печь. Как только развалины остыли настолько, что к ним можно было подойти, Пит взял палку и начал старательно рыться в них.

У него еще таилась смутная надежда, и ему особенно хотелось найти свой старый топор, жестяной горшок и что-нибудь съестное. Топора он пока нигде не мог найти, горшок, очевидно, расплавился, но зато ему удалось откопать какой-то черный, обуглившийся комок с кулак величиною, издававший аппетитный запах; когда Пит старательно соскреб обгорелую часть, оказалось, что это остаток окорока.

Пит набросился на свой завтрак с аппетитом голодного волка. Съев остаток окорока и утолив жажду полурастаявшим снегом из берестяной чашки, он связал свои одеяла в удобный тюк, расправил плечи и пустился в путь по направлению к лагерю Конроя, который находился за пятьдесят миль к юго-западу.

Пит Ноэль только теперь хорошо понимал, какие трудности ему предстояло победить. Без своих лыж он был почти беспомощен. Снег вдоль дороги имел около метра глубины и вдобавок был очень рыхлый. Пробарахтавшись несколько сотен шагов, Пит должен был останавливаться и

отдыхать. Несмотря на лютый мороз, с него градом катил пот, и через несколько часов таких усилий он почувствовал, что изнемогает от жажды.

У него не было ничего, в чем можно было бы растопить снег, но Пит был достаточно осторожен, чтобы не есть нарастаявший снег. Наконец, Пит придумал план, за который он мысленно похвалил себя. Разложив небольшой костер под старым хвойным деревом, он снял с шеи красный бумажный платок, набрал в него снегу и поднес поближе к огню. Когда снег начал таять, он стал выжимать воду из платка, но увы!—вода была такого цвета, что показалась ему не особенно заманчивой.

Пит с некоторым сожалением вспомнил, что не стирал этого платка очень давно,—но даже не мог вспомнить, с каких пор. Но благодаря неутолимой жажде, он продолжал растапливать снег и выжимать из платка воду до тех пор, пока она не потекла уже сравнительно чистыми струйками. Тогда Пит осторожно напился, а потом выкурил три трубки крепкого черного табаку, взамен сытного обеда, которого настойчиво требовал его желудок.

В течение всего морозного безмолвного дня Пит упорно шел вперед, барахтаясь в снегу и время от времени все крепче затягивая свой пояс. Он ни на минуту не переставал всматриваться вокруг, жадно подстерегая какую-нибудь дичь и надеясь

увидеть кролика, куропатку или хоть толстого дикобраза; Пит не побрезговал бы даже жестким мясом выдры и считал бы встречу с ней большой удачей.

Когда солнце уже садилось, Пит достиг обширной пустынной равнины, озаренной великолепным золотисто-пурпурным светом. С восточной стороны равнины тянулась цепь невысоких холмов. Много лет тому назад там был лесной пожар, и теперь на вершинах холмов виднелся только длинный ряд обгорелых деревьев, подымавших к небу свои острые обнаженные верхушки.

Это было начало так называемой Большой пустыни, и Пит Ноэль с досадой и тревогой подумал, что, несмотря на все свои усилия, он во весь долгий день прошел всего пятнадцать миль. Вдобавок был страшно голоден.

Пит слишком устал, чтобы продолжать свой путь ночью, а так как ужина не было, то лучше всего было поскорее лечь спать. Сначала Пит расшнуровал свои сапоги и, вытянув ремешки, сделал из них нечто в роде ловушки, которую поместил между соснами, где виднелись заячьи следы. Потом он вырыл глубокую длинную яму в снегу около старых елей, темной стеной стоявших поодаль от опушки леса.

На дне этой ямы, на одном конце ее, он разложил небольшой костер из сухих прошлогодних сучьев и свежих веток березы, которые он с большим трудом нарубил складным ножом. На самом

краю ямы он сложил целую кучу этого топлива так, чтобы в случае надобности его легко было достать. Дно ямы с другого конца, несколько поодаль от костра, он устлал толстым слоем сосновых веток, которые образовали сухую и упругую постель.

Когда Пит кончил все эти приготовления, звездная зимняя ночь спустилась над безмолвным лесом, нигде не слышно было ни звука, только изредка раздавался треск дерева, да костер, разложенный в яме, тихо шипел.

Положив большую кучу ветвей под голову, Пит закурил трубку, завернулся в свои одеяла и улегся ногами к костру.

Лежа на дне ямы и наслаждаясь удобствами костра и трубки, Пит Ноэль глядел вверх, на холодные звезды и на верхушки хмурых темных елей, озаренные красноватым отблеском его костра, и думал, удастся ли ему благополучно достигнуть лагеря.

Незаметно для себя Пит Ноэль заснул.

По привычке жителей леса и людей, спящих зимой у костра, он просыпался каждый час, чтобы подложить дров в костер, но к утру заснул тяжелым сном утомившегося человека.

Когда он проснулся, костер обратился в кучу серого пепла, небо над головой было бледно-серого цвета, испещренное розовыми полосами, и

на зеленой стене слей играли отблески золотисто-розовой зари. Края одеяла вокруг его лица затвердели и покрылись льдом от его дыхания.

Быстро дернув край одеяла, Пит сел, хорошенько выбранил самого себя за то, что дал костру погаснуть и, приподнявшись так, что глаза его были немного выше края ямы, посмотрел на блестящую пустынную равнину. Не успел он сделать этого, как инстинктивно опустился и спрятался. Глаза Пита оживленно блеснули, и он уже радовался тому, что его костер погас.

II

По следам стада

Между стволами обгорелых деревьев, по холмам, медленно пробиралось большое стадо карibu, крупные и темные силуэты которых резко выделялись на ярком фоне восхода.

Низко присев в своей яме, Пит поспешно свернул одеяла, укрепил тюк на спине и осторожно пополз по снегу по направлению к соснам. Спрятавшись за соснами, он поднялся на ноги, достал ловушку, которую ставил совершенно напрасно, вытащил свои ремешки и опять вернулся на дорогу. Для опытных глаз достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в чем было дело.

Карibu—самые беспокойные, капризные животные, которые в своих странствованиях забираются

дальше всяких других диких животных, теперь направлялись к югу, блуждая, повидимому, совершенно бесцельно. Пит сразу догадался, что они шли по холмам, потому что снег там был не такой глубокий и рыхлый, так как ветер сметал его оттуда.

Стадо было довольно далеко от Ноэля, гораздо дальше ружейного выстрела,—но он решил, что догонит карибу, несмотря на глубокий снег. Пит решил призвать на помощь настойчивость, хитрость и сделать это во что бы то ни стало, даже если ему для этого придется ползти на четвереньках.

Ветер в это время порывисто дул с северо-востока, от человека—к стаду животных, но они были слишком далеко, чтобы почуять зловещий запах и встревожиться. Прежде всего Пит постарался так обойти стадо, чтобы эта опасность была устранена. Он сначала так заинтересовался погоней, что на некоторое время забыл даже о голоде, но когда Пит пустился в путь, медленно пробираясь вперед в чаще леса, голод заговорил так настойчиво, что нельзя было о нем забыть.

Пит иногда останавливался, сдирал кору с молодых елок, которые попадались ему на дороге, соскребал тонкий слой сладковатой мякоти между корой и стволом и жадно поедал ее. Иногда он собирал душистые кончики березовых почек, разжевывал целую горсть и выплевывал твердые

оболочки. Таким образом, ему удалось несколько утишить голод.

Наконец, после нескольких часов трудного пути, лес поредел, дорога стала подыматься в гору, и Пит вышел на склон одного из холмов далеко позади стада, но зато с подветренной стороны. Там, где прошло стадо, снег был взрыт и сравнительно неглубок.

Остановившись у небольшого холмика, Пит стал осторожно разгребать снег ногами, пока не добрался до земли, и там, наконец, нашел то, чего искал,—несколько ярко-красных ягод зимолюбки мерзлых, но мясистых и сладких. Проглотив полгорсти этих ягод, он опять на время обманул голод и пустился в путь. Шел он довольно быстро, но осторожно, иногда прячась за стволы обгорелых деревьев.

Наконец, завидя издали нескольких карибу, которые шли позади стада, но все еще были довольно далеко от него, Пит присел, съежившись, как кошка, и быстро перешел на противоположный склон холма, где можно было лучше спрятаться.

На восточном склоне цепи холмов росли многочисленные группы кустов, и Пит быстро ползком пробирался от одной к другой,—так быстро, что через час должен был поравняться со стадом, которое двигалось очень медленно. Приблизительно через час он снова вскарабкался на вершину

холма, притаился за низкими кустами можжевельника и, держа винтовку наготове, уверенно взглянул сквозь кусты вперед.

Вдруг лицо его потемнело с досады. Животные исчезли. Пит был уверен, что не он спугнул их, но карибу ушли далеко в сторону, медленно двигаясь к югу по снежной белой равнине.

Пит крепко стиснул зубы. Голод и холод, точно усиливая друг друга, страшно мучили его. Его первым побуждением было отбросить в сторону всякую попытку спрятаться и кинуться прямо по следам карибу, но он сейчас же опомнился, решив, что таким путем можно больше потерять, нежели выиграть. Пит хорошо знал, что несмотря на рыхлый, глубокий снег, спугнутые животные могли бежать гораздо быстрее, чем человек. Следовательно, ему приходилось положиться только на свое терпение.

Украдкой пробираясь от одного дерева к другому—то на четвереньках, то на животе, как змея, Пит довольно быстро спустился со склона холма туда, где начиналась равнина. Так как прятаться дольше было невозможно, и самые последние животные все еще были от него дальше, чем на расстоянии выстрела, он смело вышел из-за группы молодых деревьев и пустился догонять стадо. При виде его все рогатые головы на мгновение тревожно и удивленно поднялись кверху, и вдруг, окруженное белым облаком снега, стадо бросилось вперед с необыкновенной быстротой.

Угрюмый, но не потерявший мужества, Пит двинулся в путь по их следам, поглощенный одной мыслью—догнать стадо. Все остальные мысли, чувства и желания слились в одно тупое ощущение голода и старание не думать о нем.

Час проходил за часом, а Пит все плелся вперед по широким беспорядочным следам, прорезавшим безмолвную белую равнину. Ни вокруг него, ни над ним не было ничего такого, на чем мог бы остановиться его взор, и он глядел вниз, себе под ноги, стараясь выбирать более удобные места, чтобы ступить по взрытому снегу и таким образом сберечь свои силы. Он не замечал, что солнце уже больше не сверкало над белой равниной, что небо из ярко-голубого превратилось в бледно-серое, и ветер, дувший ему прямо в лицо, стал гораздо сильнее.

Его заставил очнуться порыв ветра, бросивший прямо на него облако снега с такой силой, что лицо резнуло точно ударом плети. Подняв глаза, Пит увидел, что крутившиеся облака снега совершенно скрыли из виду всю равнину. Ветер завывая дул ему прямо в лицо. Пита застигла вьюга.

III

Снежная вьюга

Когда вьюга яростно налетела на Пита, окружив его со всех сторон, мешая ему дышать, мужество Пита на мгновение поколебалось; у него

оказался новый противник, к борьбе с которым он не подготовился. Но тотчас же он снова ободрился и вызывающе поглядел вперед.

Холод, голод, вьюгу—все это он перенесет и выйдет победителем! Опустив голову и прикрыв рот воротником пальто, чтобы легче было дышать, он с юбновленными силами бросился вперед.

Если бы опушка леса была близко или если бы Пит во-время заметил состояние погоды, он немедленно направился бы к лесу, чтобы укрыться там. Но Пит помнил, что, когда он в последний раз видел стадо, следы его тянулись прямо посреди пустынной, все расширявшейся равнины. Он рассчитал, что находится мили за две от опушки леса, и понял, что в такую вьюгу не найдет туда дороги.

У него оставалась только одна надежда—итти по следам карибу. Он решил, что животные или лягут, или доберутся до леса: никто, кроме человека, не мог отважиться на борьбу с такой вьюгой. Карибу, вероятно, позабудут свою осторожность, позабудут, что за ними гонятся, и или он догонит их, или они укажут ему путь к опушке леса.

Несколько часов он упрямо шел вперед, барахтаясь в снегу, чуть не ошупью отыскивая следы стада,—так сильно хлестал ему в лицо снег. Сугробы снега под его ногами становились все глубже и глубже, и он стал двигаться вперед уже

черепашьим шагом. Мало-помалу, благодаря стараниям сохранить силы, все чувства и помыслы Пита точно замерли, сосредоточившись на одном желании—итти вперед.

Ему начинала казаться очень заманчивой новая мысль—сдаться и бросить все усилия; он начал думать о том, что мог бы укрыться от бешеного ветра, мог бы насладиться теплом и покоем, для этого стоило только зарыться глубоко в снег. Он хорошо знал эту простую уловку куропаток, когда мороз или вьюга слишком люты для них.

Но благоразумие Пита не позволяло ему обманывать себя. Если бы у него был полный желудок, а карманы были набиты едой, он, пожалуй, мог бы безнаказанно прибегнуть к этой хитрой уловке куропаток. Но он был истощен и голоден; силы его почти покинули, и он сознавал, что если теперь поддастся этому желанию, то никто его не увидит до тех пор, пока весеннее солнце не растопит снега. Нет, он не зарыется в снег, чтобы спрятаться от ветра.

Пит громко засмеялся, и, наклонив голову, снова упорно и мужественно бросился вперед.

Пройдя несколько шагов, он сразу остановился, и сердце его замерло. Он потоптался на одном месте, потом на другом, тщательно пошарил в снегу ногами, потом руками. Повернувшись затылком к ветру, он нагнулся, защитив голову обеими руками, чтобы заглушить страшный вой ветра, и

стал раздумывать, как и когда это случилось. Он потерял след стада!

Это страшное открытие точно сразу оживило Пита, вернуло ему способность ясно мыслить, и он понял, как это случилось, но не мог вспомнить, где именно.

Сугробы снега замели следы, совершенно стерев их с поверхности равнины. Он в это время шел все прямо, руководствуясь направлением ветра. Карибу же тем временем свернули и ушли в другую сторону. В какую сторону? У него не было никаких указаний, которые помогли бы ему узнать это, так капризны были рогатые бродяги леса.—«Пусть себе идут,—упрямо подумал он,—обойдусь и без них!»

С трудом поднявшись на ноги, Пит опять обернулся лицом против ветра и стал соображать, в каком направлении дул ветер, когда он в последний раз обратил на это внимание, стараясь в то же самое время припомнить, как именно был расположен лес, обрамлявший равнину с двух сторон.

Он, наконец, решил, где именно находилась ближайшая опушка леса. Он мысленно видел перед собой одно место, где темные сосны глубоким, острым мысом врезались в пустынную равнину. Все еще тщательно соображая, он повернулся так, что ветер дул ему не прямо в лицо, а слева; вполне уверенный, что он нашел, наконец, верное направление, Пит снова двинулся вперед.

На ходу он мысленно рисовал себе картину, как все стадо карибу, барахтаясь в сугробах снега, направлялось в ту же сторону, к опушке леса, чтобы укрыться от вьюги. Заглушая в себе голод и ощущение слабости, он старался ободриться и говорил себе, что если животные могут добраться до убежища, то он также сможет! А там, в лесу, с помощью своего опыта и ловкости, он добудет что-нибудь пригодное в пищу, чтобы не дать погаснуть жизни!

Это бодрое настроение придало Питу сил, и он еще около получаса плелся вперед. Но когда короткий северный день стал гаснуть и темные тени стали сгущаться под непроницаемым белым покровом вьюги, его силы, его крепкие мускулы и закаленные нервы снова не выдержали. Он стал замечать, что спотыкается и ищет предлогов, чтобы не сразу подняться.

Несмотря на все напряжение воли, перед ним носились видения,—то густые, тенистые леса стояли близко от него, то виднелась уютная бревенчатая хижина, полузанесенная снегом, из окон которой струился теплый свет. Пит с негодованием встряхивался, чтобы придти в себя, и приятные видения исчезали.

Однажды, после того, как он отогнал одно особенно живое и яркое видение, он спохватился, что потерял свою винтовку. Найти ее не было никакой надежды. Этот удар на несколько минут

отрезвил его. Он подумал, что у его еще оставался нож, который был гораздо нужнее винтовки. И Пит опять зашагал, совершенно отрезвленный.

IV

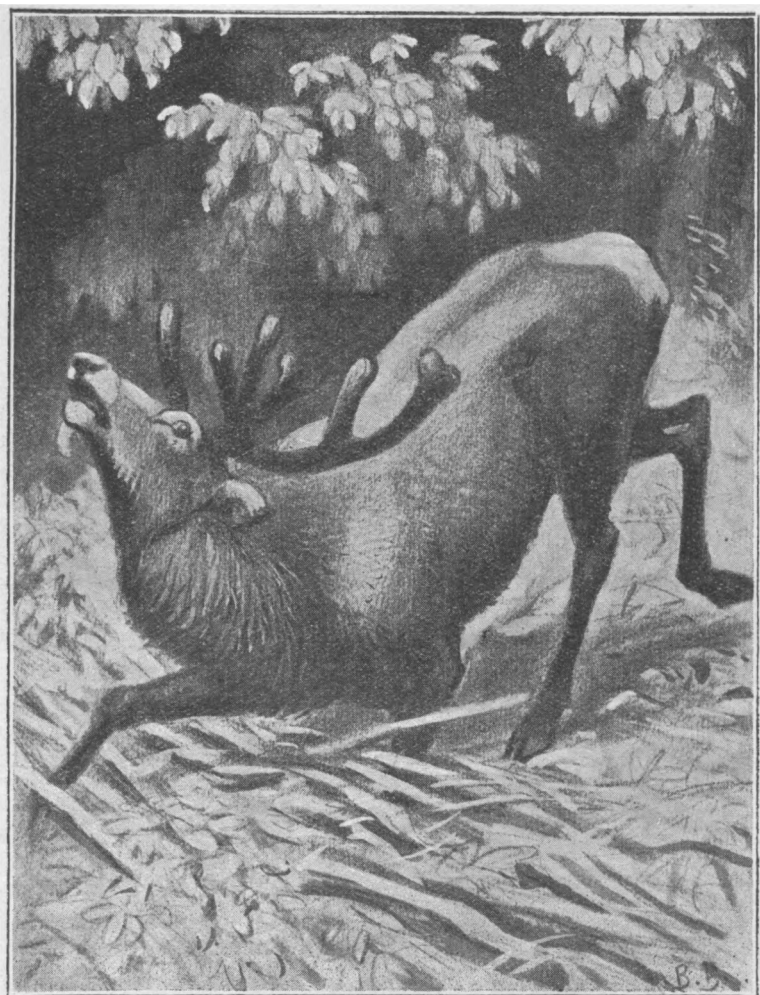
Спасение

Тени быстро сгущались и, благодаря вьюге, стали принимать странные, фантастические очертания. Пит старался усилием воли разрушить эти видения, но одна из чудовищных фигур почему-то не теряла своих очертаний и не исчезала. Пит уже готов был броситься на нее, как вдруг эта фигура приподнялась с громким храпом, стараясь отойти от него.

Пит сразу оживился, окрыленный надеждой. Увязая в снегу, падая, ползком, он с открытым ножом в руках бросился вслед за животным. Большой самец карибу, измученный, увязший по брюхо в снегу, все-таки несколько раз увернулся, а когда Пит в своей дикой погоне, наконец, настиг его, олень повернул голову и сильно толкнул охотника в левое плечо концом ветвистого рога.

Не обращая внимания на боль, Пит крепко схватил рог левой рукой и отклонил голову карибу назад, а через секунду искусной рукой полоснул ножом по шее животного.

Как большинство жителей канадских лесов, Пит был очень брезглив в выборе мяса. Он всегда

Большой самец карibu, измученный, увязший по брюхо в снегу,
все-таки несколько раз увернулся...

хорошенько варил или жарил его и терпеть не мог полусырого мяса. Но теперь он превратился в зверя, который боролся за свою жизнь; кроме того, он знал, что наилучшим из всех подкрепляющих средств было именно то, которое теперь находилось у него под руками.

Он опять ударил ножом, на этот раз в сердце животного.

Когда с последним вздохом жизнь животного совершенно погасла, Пит присел, съежившись, как зверь, и стал пить теплую кровь, которая струилась из горла его жертвы. Постепенно теплота, сила, бодрость, совсем было покинувшие его, снова разливались по его жилам. Он напился досыта, а потом, вырыв неглубокую яму в снегу, подле массивной туши, и крепко прижавшись к ней, лег отдохнуть и сообразить, что ему делать.

Пит Ноэль был вполне уверен, что теперь у него хватит пищи до конца пути и что смелость и мужество помогут ему преодолеть все препятствия, которые могут встретиться. Он решил хорошенько выспаться и завернулся в свои одеяла под защитой громадного убитого карибу.

Но в нем вдруг проснулся старый инстинкт охотника. Когда ветер на мгновение стихал, всюду кругом слышался храп и тяжелое дыхание. Пит Ноэль попал в самую середину усталого стада. Он подумал, что теперь имел бы возможность возместить убытки, которые он понес, когда сгорела его хижина. Он мог убить несколько

беззащитных животных, спрятать туши в снегу и хорошенько запомнить местность после того, как прояснится. А после он мог бы добыть лошадей в ближайшем поселке и вывезти мерзлое мясо на продажу.

Снова вытащив свой нож, Пит осторожно пополз к ближайшему месту, откуда слышалось тяжелое дыхание и прежде, чем мог увидеть животное в темноте, был уже около него. Его протянутая рука коснулась тяжелого вздувавшегося бока карibu. Испуганное животное с порывистым храпом поднялось на ноги, стараясь отойти прочь но сейчас же в изнеможении опустилось.

Как только животное притихло, Пит снова дотронулся до него рукою и почувствовал, как оно опять задрожало от прикосновения. Пит машинально начал гладить и тереть жесткую шерсть, а рука его предательски двигалась вперед по боку животного. Дыхание животного стало спокойнее, испуганный храп прекратился, измученное и усталое, оно, казалось, успокаивалось от прикосновения этой сильной, уверенной руки.

Когда рука Пита уже дотронулась до шеи успокоившегося животного, в нем вдруг заговорил какой-то тревожный укор. Пит держал нож в другой руке, готовый пустить его в ход, но почему-то никак не мог заставить себя сделать это. Это было бы предательством! А ведь он потерпел большой убыток, и теперь случай давал ему в руки вознаграждение. Пит колебался.

Все это время он продолжал гладить твердую, теплую, живую шею.

И он и бедное животное находились в одинаковом положении, оба вместе отбивались от слепой бешеной ярости бури, чтобы спасти свою жизнь. Кроме того, стадо карибу спасло его. Он был их должником. Его ласка уже не была предательской; это была добрая, честная ласка. Пит с конфузливой улыбкой закрыл нож и сунул его обратно в карман.

Он продолжал гладить успокоившееся животное, но уже обоими руками, почесывая ему за ушами и у основания рогов, и это, повидимому, доставляло животному удовольствие. Только один раз, когда рука Пита скользнула вниз по длинной морде животного, оно испуганно вздрогнуло и фыркнуло,—так сильно ударил ему в ноздри страшный человеческий запах.

Но Пит продолжал гладить, ласково и уверенно, и животное снова успокоилось. Наконец, Пит решил, что лучше всего будет переночевать или переждать, пока прояснится, возле этого смиренного, застигнутого бурей животного, согреваясь теплотой его тела. Вырыв в снегу яму, достаточно глубокую, чтобы защитить себя от ветра, Пит закутался в свои одеяла, крепко прижался к боку карибу и преспокойно уснул.

Чувствуя подле себя близость живого существа, Пит крепко спал все время, пока бушевала буря. Наконец, что-то завозилось у него под

боком, и когда он проснулся, то почувствовал, как его странный товарищ поднялся на ноги и не спеша отошел прочь.

Вьюга миновала, и небо над головой Ноэля было усеяно звездами. Всюду вокруг него что-то тяжело двигалось, слышался топот, сопенье и фырканье: это стадо карibu собралось в путь, забывая свою обычную осторожность.

Скоро Пит остался совсем один. Неподвижный воздух был страшно холоден, но Питу, лежавшему в яме и укутанному в одеяла, было тепло. Все еще сонный, он прикрыл лицо одеялом и опять уснул.

Когда он снова проснулся, то почувствовал себя совсем бодрым и свежим. Уже совсем рассвело. Холод резал, как ножом, и бледные лучи света, казалось, замерзли в кристально-чистом воздухе. Пит встал и посмотрел на восток, туда, где виднелись беспорядочные следы стада карibu.

Меньше, чем за полмили, виднелся лес, обширный и темный, и следы стада вели прямо туда. А немного подалее, справа, он увидел нечто, заставившее радостно забиться его сердце.

Вырисовываясь на бледно-оранжевом фоне восточной стороны неба, как серебристо-фиолетовая лилия, прямо вверх подымался тоненький столбик дыма. Опытный взгляд Пита сейчас же различил, что этот дым подымался из трубы лагеря дровосеков, и он понял, что они переместились туда, поближе к нему, с отдаленных истоков реки, куда он направлялся.

ЛЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Рассказ Чарльса Робертса

Около полумили прошел уже Мак-Леган по дороге, окаймленной исполинскими деревьями и густым кустарником; дорога была узкая, прямая и закрытая верхушками деревьев от солнца и неба.

Вдруг он остановился посреди дороги и устремил пристальный взгляд в глубину лесной чащи. Вот уже в течение целого получаса испытывал он смутное сознание, что его преследуют.

Он был опытный охотник и зорко всматривался в чащу кустарника, не двигаясь с места в течение нескольких минут. Маленький пестрый дятел внимательно посмотрел на него и поспешно взлетел на верхушку исполинской сосны. Все было тихо кругом, и, кроме этого дятла, не видно было других живых существ. Но Мак-Леган был уверен, что чувства не обманывают его, что за ним наблюдают и что кто-то идет по его следам. Пораздумав хорошенько над этим обстоятельством, он тихо сказал себе:

— Никто другой, кроме пантеры.

Затем он продолжал свой путь.

Заключение это не произвело никакого действия на нервы Мак-Легана, несмотря на то, что он оставил свое ружье в лагере и прекрасно знал, что пантера, задумавшая выкинуть какую-нибудь штуку,—не такой противник, чтобы им пренебрегать. Ню, хорошо знакомый с нравами диких обитателей леса, он знал в то же время, что ни одна пантера не будет мстить человеку, не имея на то особо важных причин, и не будет добровольно искать с ним ссоры. Сильная и хитрая кошка эта признает человека сильнейшим, и где возможно, уступает ему дорогу. Мак-Леган знал также и то, что у пантеры является подчас странное желание тайком следить за человеком, и она делает это с замечательной осторожностью и необыкновенным упорством, словно с намерением изучить человека и найти причины его превосходства над собой.

Сведения Мак-Легана относительно диких зверей не ограничивались одним только знакомством с их привычками и нравами. Он знал, что человеку трудно изучить их до мельчайших подробностей, ибо среди них встречаются бесчисленные индивидуальные особенности, сбивающие с толку даже опытных натуралистов. Он готов был держать пари, что невидимый преследователь не осмелится напасть на него, но в то же время допускал, что на его долю все-таки может выпасть такой непредвиденный случай нападения пантеры.

Мак-Леган поспешно перевязал ремни тяжелого тюка, помешавшего ему взять ружье, таким образом, чтобы, в случае надобности, можно было сразу отделаться от него. При себе он имел одно только, хотя и весьма надежное оружие—новый топор, купленный им в поселке. Топор был легкий, с ореховой рукояткой, и в руках опытного жителя северных лесов мог служить ручным и метательным оружием.

Дорога, проложенная от поселка к лагерю Мак-Легана, шла по гористой местности и тянулась на протяжении пятнадцати миль, все время поднимаясь в гору. Но осенний воздух был так живителен, тенистые деревья, подернутые октябрьским золотом, были так красивы, что Мак-Леган совсем не чувствовал тяжести своего тюка, и крепкие мускулы его не испытывали усталости.

Встревоженный, однако, близостью невидимого и нежелательного спутника, который скрывался где-то среди окружающей листвы, он ускорил шаги, чувствуя непреодолимое желание добраться к своему ружью и отомстить тому, кто осмелился беспокоить его во время путешествия.

С негодованием присматривался он ко всем кустам, мимо которых проходил, окидывая подозрительным взглядом каждый сук, тянувшийся через дорогу. Он вспомнил, что любимый способ нападения пантеры заключается в том, что она прыгает с ветки на шею своей жертвы, и при

этой мысли волосы на его затылке становились дыбом.

И вдруг где-то впереди послышался крик оленя, крик дикий, но музыкальный, полный угрозы и вызова, далеко разнесшийся среди безмолвного, упругого воздуха. Мак-Леган еще раз пожалел, что не захватил с собой ружья, ибо крик этот, полный силы и отваги, указывал на необыкновенно большого оленя, украшенного великолепными рогами.

Мак-Леган нуждался, во-первых, в запасе сушеного мяса для своей кладовой, а во-вторых, в красивой голове оленя, так как хорошие рога оленя считались в той местности весьма ценной вещью и в «Товариществе Оленей» платили дорого за доставку такой головы.

Крик повторился несколько раз и притом с короткими промежутками; в ответ ему послышался такой же вызывающий крик с левой стороны. Вызовы и ответы быстро сменяясь, приближались друг к другу. Мак-Леган ускорил свои шаги. Серые глаза его, выглядывавшие из под густых, нависших бровей, сверкали от волнения. Он совсем забыл о близости своего невидимого, упорного преследователя. Он думал только о том, чтобы во-время поспеть к месту единоборства оленей, выступивших друг против друга из-за господства над стадом ко всему равнодушных ланей.

От нетерпения охотнику начинало казаться, что никогда не наступит время, когда соперники сойдутся и начнут поединок. И вдруг до напряженного слуха его, хотя слабо и смутно, донеслись сухие звуки ударявшихся друг о друга рогов. Место поединка находилось, очевидно, ближе, чем он предполагал. Он пустился вперед бесшумной рысью в надежде, что успеет во-время.

Пробежав некоторое расстояние, Мак-Леган услышал не только стук рогов, но и сердитое фыркание и храпенье. Стук рогов скоро прекратился и перешел в безмолвное, наступательное движение, закончившееся бегством и преследованием. Поединок кончился, и Мак-Леган с сердечным трепетом услышал, что бегство и погоня направляются в его сторону.

Не прошло и полминуты, как побежденный олень выбежал на дорогу и понесся по ней с широко раскрытыми от ужаса глазами, с раздутыми и покрытыми кровавой пеной ноздрями и с окровавленными, израненными боками. Мак-Леган уступил ему дорогу, и олень пробежал мимо, не обратив на человека никакого внимания. Он не узнал своего врага-человека в этот постыдный час своего поражения и бегства.

Не так поступил победитель. Огромный, великолепный олень, каких Мак-Легану редко приходилось видеть, сразу прекратил преследование, как только заметил высокую фигуру, стоявшую неподвижно у самой окраины дороги. Мак-Леган

надеялся, что олень повернет обратно и поспешит к своему стаду, чтобы увести его подальше от опасности.

Но огромное животное, торжествовавшее свою победу и в высшей степени возбужденное, выказало совсем другие намерения. Несколько минут смотрело оно в упор на Мак-Легана, который сразу увидел, что в этом смелом, горящем взгляде нет ни малейшего признака страха. Олень сердито рыл землю одним из своих острых передних копыт, и Мак-Леган, хорошо знавший, что это означает, оглянулся кругом, отыскивая поблизости дерево, на которое легко было бы вскарабкаться. Он выходил из себя, вспоминая о забытом ружье, и дал себе клятву никогда больше не выходить без него.

К счастью Мак-Легана, противник его начал свой вызов предварительными ударами копыта о землю, затем сердито фыркнул и наставил рога в знак предостережения. После этого он, жеманясь, двинулся вперед медленным и грациозным шагом и, закончив таким способом свой вызов, в диком бешенстве устремился на человека.

Но Мак-Леган успел уже сбросить свой тюк и вскарабкаться на дерево.

Прошло несколько минут, прежде чем Мак-Леган окончательно убедился в том, что находится вне всякой опасности.

Бросив взгляд, в сторону, Мак-Леган увидел несколько ланей, которые осторожно пробирались

по дороге, желая видеть, что случилось с их властелином-победителем. Немного погодя, они остановились, тревожно нюхая воздух и наклонив уши вперед, и с удивлением смотрели на своего вожака. Но не прошло и минуты, как они вдруг все сразу повернули назад, понеслись прочь огромными прыжками и скоро скрылись среди чащи.

Мак-Леган с удивлением посмотрел им вслед, не понимая, что могло означать подобное бегство. Но в следующее мгновение он все понял, ибо увидел рыжую голову и плечи огромной пантеры, выглядывавшей из-за кустов у самой дороги.

С одной стороны, Мак-Леган остался очень доволен этим подтверждением своих наблюдений над лесными обитателями, а с другой—несколько встревожился мыслью о том, что произойдет дальше. Еще раз убедился он, как опрометчиво поступил, отправившись в путь без ружья.

Взглянув вниз на своего великолепного противника, который бесновался под деревом, он почувствовал вдруг желание предупредить его об опасности, угрожавшей ему из-за кустов. Все симпатии его были на стороне оленя, несмотря на его неприязненное отношение.

— Вместо того, чтобы тянуть глупую шею свою и стараться меня ударить,—сказал он, наклоняясь к нему,—ты бы лучше смотрел по сторонам и заботился о собственной своей шкуре. Там вон в кустах прячется огромная пантера, и пока ты без

всякой пользы силишься ударить меня, она вцепится в тебя когтями.

Конечно, олень не понимал ни языка Мак-Легана, ни тех оттенков, которые Мак-Леган придавал своему голосу. Он пришел в еще большее возбуждение при звуках этого кроткого увещания и, употребляя самые невероятные усилия, старался копытами или рогами достать Мак-Легана. Убедившись мало-помалу, что это ему не удастся, он злобно сверкнул глазами и, оглянувшись кругом, увидел на земле тюк Мак-Легана.

Олень принял его, очевидно, за часть тела своего врага и с торжествующим видом набросился на тюк. Он принялся топтать и бить его копытами, колол его рогами и, разорвав его через каких-нибудь десять секунд, расшвырял в разные стороны все содержимое тюка, состоявшее из разных продуктов, которые Мак-Леган накупил в поселке для пополнения своих хозяйственных запасов.

Среди припасов находились двух-галлонные¹ жестянки патоки, маленькая жестянка с толченым перцем, завернутая в ярко-красную бумагу, белый мешок с мукой, бумажный пакет с бобами и такой же с сахаром. Бобы и сахар рассыпались в самом начале атаки, большая и маленькая жестянки откатились в сторону, и олень обратил

¹ Галлон — три штофа или шесть бутылок.

(Прим. ред.)

все свое внимание на мешок с мукой. Он располрол его рогами и, ткнувшись в него мордой, фыркнул изо всей силы, так что мука разлетелась в стороны.

Расправившись так легко с тюком, олень решил, что теперь можно снова заняться Мак-Леганом. Он вернулся к дереву и поднял вверх глаза, которые походили теперь на пару наглазников, так густо были окаймлены мукой их глазные впадины. Затем он с вызывающим видом фыркнул носом, также покрытым мукой.

Мак-Леган был так рассержен при виде разбросанных драгоценных припасов, что все его симпатии перешли на сторону пантеры, и он поспешил излить на противника душившее его бесильное негодование.

— Надеюсь, что пантера хорошо проучит тебя за это!—крикнул он.

В ответ на это пожелание олень сделал новую и еще более старательную попытку добраться до человека. Разочарованный и на этот раз, он вернулся к тюку, стараясь хоть в нем найти какое-нибудь удовлетворение своей ярости.

Бобы, сахар и мука больше не зачмляли его, и олень направился к маленькой красной жестянке с перцем, отброшенной им к соседнему дереву. Он разбил ее ударом копыта и, подхватив затем рогом, подбросил в воздух. Жестянка упала оленю на плечи, и ее содержимое высыпалось на шею зверя, покрытую длинными волосами.

Удивленный таким нападением жестянки, олень быстро повернулся и в ту минуту, когда пробовал окончательно уничтожить копытами дерзкую вещь, упавшую снова на землю, разразился вдруг громким судорожным чиханием. Ни разу еще в жизни не случилось с ним ничего подобного. Растопырив ноги, он стоял и чихал, чихал без конца.

Гнев Мак-Легана стих, сменившись припадком восторга. Он готов был уже разразиться смехом, когда увидел нечто, сразу прекратившее шумные излияния его веселья.

На ветке, над самой почти головой оленя, он увидел притаившуюся пантеру. В следующую минуту она уже прыгнула вниз и вонзила зубы и когти в шею оленя.

Олень все еще чихал, когда нападение пантеры привело его в себя. Он фыркнул, высоко прыгнул на воздух и начал лягаться и становиться на дыбы, как лошадь, надеясь сбросить с себя противника. Видя, что это ему не удастся, он метнулся в сторону, и, подняв морду принялся колотить рогами сидевшую на спине пантеру.

Пантера попрежнему сидела на нем, цепляясь зубами и когтями, решив, повидимому, крепко держаться на его спине. Но тут перец, попавший из жестянки на шерсть оленя, попал ей в глаза и нос. Она выразила свое неудовольствие глухим ворчаньем, которое перешло в судорожное чихание. В самый разгар чихания олень с энергией отчаяния еще раз метнулся в сторону, и пантера

Мак-Леган видел, как олень, подняв морду, стал бить вцепившуюся в его спину пантеру...

полуослепленная и обезумевшая от неожиданного приключения, свалилась на землю.

Стряхнув с себя противника, олень с быстротою молнии бросился к нему, собираясь нанести ему удар передними копытами. Но пантера, не уступавшая ему в быстроте, успела увильнуть от его удара и, обойдя кругом оленя, пыталась вернуть бывшее на ее стороне преимущество. Полуослепленная перцем, она, однако, не рассчитала расстояния и только слегка вцепилась в него когтями.

В то время, как пантера старалась удержаться и увильнуть от наносимых ей рогами ударов, перец снова попал ей в нос. Несмотря на усилия сдержаться, голова пантеры поднялась вверх, спина выпрямилась, пасть раскрылась, и она разразилась громким, судорожным чиханием. Как заворчала она от бешенства и разочарования, когда почувствовала, что снова падает на землю, беспомощно размахивая лапами по воздуху!..

Придя в себя, пантера, словно пружина, отпрыгнула в сторону, но на этот раз движения ее были не так быстры, и одно из тяжелых копыт оленя изо всей силы нанесло ей удар в бедро.

Удар пришелся наискось, иначе он мог бы повредить ей кости. Однако, и этого было достаточно. Пантера сердито заворчала и, нырнув в кусты, вскарабкалась с трудом на другое дерево и стала ползком пробираться среди переплетшихся между собой ветвей, спеша удалиться от места своего поражения.

С полминуты стоял победитель неподвижно, не спуская с нее сверкающих глаз, сердито фыркал и тряс рогами. Подойдя затем к дереву, он взглянул на Мак-Легана, как бы говоря:

— Видел? Так отделаю и тебя, вздумай только спуститься вниз и тронуть меня.

На раны покрывавшие шею и бока, олень не обращал внимания. Видно было, однако, что он устал, ибо не делал больше попыток завладеть убежищем Мак-Легана.

— И проказник же ты!—сказал Мак-Леган, вытирая слезы, навернувшись у него на глаза от смеха.—Кто бы мог подумать, что олень в состоянии задать пантере такую потасовку?!

Олень с полным пренебрежением отнесся к этой похвале и, повернувшись к имуществу Мак-Легана, смотрел на него, раздумывая, очевидно, какой ущерб можно еще нанести ему.

На глаза ему попала жестянка с патокой, лежавшая на том же месте, куда он швырнул ее. Олень бросился к ней и, несмотря на крик Мак-Легана, так хватил ее копытом, что пробил огромную дыру, откуда тотчас же забулькала желтовато-коричневая густая масса. Олень с изумлением смотрел на странное явление и затем с пренебрежением ткнул жестянку одним из своих рогов. Вероятно, он сильно нажал ее, так как один из вилообразных отростков прошел насквозь через стенки жестянки. Поспешно подняв вверх голову, олень попытался подбросить ее в воздух.

Но, к великому его удивлению, жестянка не тронулась с места, зато густое и липкое содержимое ее хлынуло из нее потоком, окатив оленя всю морду.

С негодованием затряс олень рогами, но патока от этого стала течь еще обильнее, заливая всю шею и раненый бок.

Олень склонил рога к земле и ударил жестянку задним копытом, пробуя сбить ее. Но попытка эта кончилась полной неудачей, и он с бешенством принялся рыть землю копытами и бить ее рогами, а патока тем временем продолжала литься из жестянки и покрыла густым слоем листья, стебли и землю. Но и этот способ не привел оленя к желанной цели, и он, подняв вверх голову, оглянулся кругом с растерянным видом, как бы впервые теряя веру в собственное свое могущество и силу.

Мак-Леган взвизгивал от восторга. Уцепившись крепко руками и ногами за ветку, чтобы не упасть, он покатывался со смеху. Когда звуки этого смеха донеслись до ушей оленя, он подошел к дереву и взглянул вверх.

— Проваливай ты скорее!—крикнул Мак-Леган.—Ты уморишь меня от смеха!

Глаза оленя сверкнули, и он сердито потряс рогами. Не успел от тряхнуть ими, как жестянка, теперь уже пустая, глухо стукнулась об его рог. Огонь в глазах оленя сразу погас и он судорожно метнулся в сторону. Жестянка опять ударилась

о рог. Олень метнулся снова и с бешенством потряс головой. Жестянка застучала громче.

Мужество доблестного борца, которого не могли утратить ни соперник, ни пантера, ни даже человек, сразу испарилось, как вода. В паническом ужасе бросился он в кусты. Жестянка продолжала стучать и по мере того, как она стучала, бег оленя становился все быстрее и безумнее.

Мак-Леган, смеясь до слез, спустился с дерева и занялся осмотром своих припасов. Не осталось ничего годного для употребления, за исключением топора.

— Спасибо и на том, что он не испортил топора,—сказал Мак-Леган.—Впрочем, я не был бы в претензии на него даже, если б он испортил топор. Больно уж занятное было представление, и стоило такой цены... Да и от пантеры он меня избавил...

ПОЕЗДКА НА СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЯХ

Рассказ К. Г а к м а н.

В темный, морозный вечер, в начале февраля, в дверь нашей хижины постучался эскимос Узилик.

Мы сидели в просторной жилой комнате вокруг очага, на котором пылали дрова, и толковали о том, придется ли нам прожить еще месяц в форте Михайловском ¹ на Аляске.

Громко постучался Узилик; потом, подняв щеколду, с трудом приотворил обледеневшую дверь настолько, что мог просунуть в отверстие свою мохнатую голову, покрытую сверкающими сосульками. Фыркая и пыхтя, как морж под ударами гарпуна, стал он протискиваться,—с усилием протаскивал сквозь узкое отверстие свое широкое тело и очутился перед нами в свете пылающего очага.

Взоры всех обратились к нему, а Узилик, добродушно улыбаясь, обеими руками потирал себе бока. Потом, как всегда, отрывисто, он рассказал нам

¹ Форт Михайловский — один из главных торговых пунктов Аляски, на берегу Берингова пролива. (П р и м. р е д.)

свои новости. Два ямщика с оленями и нартами ¹, которых мы уже две недели ждали с нетерпением, прибыли, и на рассвете мы едем в порт Кларенс ².

Мы стали расспрашивать Узилика об оленях, о том, в каком состоянии санки после долгого пути, но он ничего не хотел сказать нам; на все наши вопросы у него был один ответ: лукавое подмигивание маленьких черных глаз и покачивание головой.

Рано поутру вскочили мы с наших постелей из медвежьих шкур и принялись одеваться для поездки на оленях. Термометр показывал 32° ниже нуля, и бледное солнце на белом небе походило на большой стеклянный шар.

Мы выбрали самую теплую одежду, какая только у нас была,—сшитую из оленьих шкур шерстью внутрь, и надели непромокаемые сапоги из тюленьей кожи. Перчатки наши были сделаны из самого тяжелого оленьего меха; для защиты плеч, шеи и головы мы надели «совик». Это—меховой капор, пришитый к меховой же рубашке, шерстью наружу. Совик одевается поверх остальной одежды и стягивается у пояса крепкими кожаными ремнями. Так снарядились мы в дальний путь по снегам и льдам.

¹ Нарты — эскимосские сани.

² Порт Кларенс — тоже на берегу Берингова пролива, севернее форта Михайловского. (Прим. ред.).

Выйдя из хижины, мы направились к санкам; едва успели мы занять свои места, олени уже мчались с холма, на котором мы только что стояли. Нужна была немалая ловкость, чтобы почти на ходу вскочить в санки и усесться на сиденьях.

Северные олени—строптивные животные, на которых никогда нельзя положиться. Ни минуты не чувствуешь себя в безопасности, когда сидишь в санках, увлекаемых их быстрым бегом, и прислушиваешься к стуку их копыт о твердый снег. В первый день мы проезжали в среднем по десять миль в час и решили, что такая скорость, при безостановочной езде, вполне достаточна.

По пустынным, безмолвным, занесенным снегом горам мчали нас олени. С трудом, напрягая все свои силы, пробирались они через пропасти предательских ущелий, не раз грозивших заживо похоронить нас, и выносили наши санки на безопасную дорогу.

На одном из горных склонов олени почуяли олений мох; тотчас же они свернули в сторону и копытами передних ног принялись разрывать и разбрасывать снег. Невозможно было заставить их сойти с места, пока они не насытились; нам пришлось беспомощно сидеть в санях и наблюдать, как олени щипали мох, пока не вздулись их бока.

Каждый олень вез приблизительно 100 кило, и при глубоком снеге это был немалый груз.

Оленя, везшего первые санки, звали «Дядя Бэн». Это был большой, худой олень с громадными рогами. Шерсть на нем была почти белая, густая и мягкая. Ноги его были большие и сильные, и под кожей при каждом его шаге отчетливо выступали мускулы. Копыта его были очень глубоко раздвоенны, так что когда он ставил ногу на землю, они широко раздвигались, а когда он поднимал ногу, слышался стук сталкивающихся половинок.

К концу дня термометр упал до 41° ниже нуля. Мы окоченели от стужи и долгого сидения и с нетерпением высматривали впереди землянку, в которой должны были провести ночь. К землянке была пристроена длинная хижина; в этой хижине мы и рассчитывали спать.

Мы проехали пятьдесят миль по одной из самых плохих дорог Аляски; мы везли с собой большой запас бобов, сала, муки и сухарей, так как никто не знает, на сколько дней, благодаря вьюге или несчастному случаю, может затянуться путешествие.

Хижина стояла на вершине холма, и в бледном свете сумерек первым увидел ее Амалик, один из наших ямщиков. Опытный глаз этих жителей севера может рассмотреть собаку или козу на далекой горной вершине; поэтому, когда Амалик громко сообщил, нам добрую весть, мы приняли ее с полным доверием и большой радостью.

Следуя за санками Амалика, прокладывающего нам путь среди встречных ям и сугробов, мы свернули с дороги и направились к землянке, в которой могли укрыться от жестокой стужи полярной ночи.

Внутри хижина, правда, была мрачна, но каждый из нас зажег одну из ламп ¹ с тюленьим жиром, стоящих вдоль стен. Усевшись на моржовых шкурах, которые мы скинули со своих плеч, мы поставили слегка нагретые лампы между своих ног. В хижине имелись сплетенные из сухих трав циновки и одеяла из оленьих шкур, которыми мы прикрылись, когда легли спать на полу.

Вскоре Амалик и Узилик, позаботившись об оленях, вошли в хижину и принялись готовить нам ужин. Невозможно было делать это медленнее, чем они; но мы хорошо знали, что бесполезно было бы выражать свое нетерпение и торопить их. Каждая секунда, пока мы наблюдали их неторопливые движения, казалась нам часом. Наконец, все было готово, и мы с жадностью принялись за еду.

После долгой езды на сильном морозе мы заснули крепким сном.

На следующее утро мы проснулись поздно и увидели, что ночью поднялась страшная снежная

¹ Лампа эскимосов — каменный неглубокий сосуд; она имеет вид плоской тарелки с продолговатым выступом для фигиля. (Прим. ред.)

вьюга; быстро, густой массой падали хлопья снега, образуя непроницаемую для глаз завесу, крутясь, как подхваченные вихрем листья.

Нечего было и думать продолжать путь, как ни досадно и неприятно это было для нас; никто не решился бы выехать в такую погоду. Вьюга, повидимому, должна была не скоро затихнуть, и, действительно, она бушевала в течение нескольких дней.

Амалик и Узилик, выглянув и увидав все застилающую снежную завесу, свернулись калачиком в углу нашего помещения и проспали все четыре дня, пока продолжалась вьюга. Только когда мы их будили, они подымались, чтобы приготовить кушанье и присмотреть за оленями.

Нам пришлось прождать еще три дня, после того как снег перестал падать; только когда на выпавшем снегу образовалась твердая кора, можно было снова пуститься в путь.

Полная тревог и опасностей, начиналась вторая половина нашего путешествия: снег был очень глубокий, и на каждом шагу мы рисковали заехать в сугробы. Смутное чувство страха усиливалось еще беспокойным настроением оленей, с трудом сдерживаемых ямщиками. Ветер немного стих, но мороз стоял попрежнему жестокий.

Первые полдня в пути прошли благополучно, и мы уже начинали забывать о своих опасениях. Громко перекликаясь, мы спускались со склона

горы, и неожиданно заехали в глубокую яму, в которой и завязли. Мы выпрыгнули из саней и провалились по пояс в снег сугробов, со всех сторон окружавших нас.

Напрасно старались мы выкарабкаться; при каждом движении мы еще глубже погружались в снег.

Олени, провалившиеся почти до бедер в снежный сугроб, пришли в ярость, повернули и устремились на нас. Они растоптали бы нас на смерть, если бы не находчивость Узилика. Видя угрожающую нам опасность, он бросился вперед, приподнял опрокинувшиеся санки и накрыл ими наши головы и плечи; в снегу, под санками нас не было видно.

Мы слышали стук копыт «Дяди Бэна», ударяющихся о санки. Олень раскапывал снег, стараясь добраться до нас, но мы крепко цеплялись за ремни и удержали над собой санки; не будь этого, он одним ударом своих рогов отбросил бы их, и мы, совершенно беспомощные, очутились бы в его власти.

Впервые мы видели, каков олень, когда им овладевают гнев и ярость. Убедившись, что до нас ему не добраться, «Дядя Бэн» бросился на Узилика. Мы слышали, как эскимос, преследуемый ревушим оленем, бегал вокруг санок, вскакивал на них и снова соскакивал, громко кричал на оленя и бил его.

Мы провели под санями неприятные полчаса, прислушиваясь, как удары копыт подобно граду сыпались на обледеневшие доски. Внезапно этот стук прекратился: олени нашли пласт оленьего моха. В тот же миг они бросились разрывать снег, спеша добраться до вкусного моха; мы были забыты.

Амалик и Узилик сняли сани с наших голов, раскопали вокруг нас снег, подняли и поставили нас на ноги. Олени, насытившись, успокоились, и Амалик и Узилик снова запрягли их в санки.

После четырех часов езды мы увидели вдали строения станции Итон, откуда нам прислали оленей. Как только олени почуяли знакомое им жилье, они ускорили свой бег, и мы доехали до станции прежде, чем стемнело. Мы выкарабкались из саней с чувством глубокого облегчения: долгое и опасное путешествие было окончено.

Все население станции выбежало встречать и радостно приветствовало нас.

Мы описывали свои злоключения и удивлялись ярости и неукротимости наших оленей, а один из служащих станции рассказал нам, до чего доходит ярость и неукротимость этих животных, когда их потянет к Северному ледовитому океану.

Вот его рассказ.

На далеких северных равнинах, милях в ста от моря, посреди лапландской деревни, молодой северный олень подымает свою широкую морду

к северу, откуда дует ветер и устремляет неподвижный взор в беспредельное пространство; пока он так стоит, можно сосчитать до ста. С этой минуты оленем овладевает беспокойство, но пока он еще одинок.

На следующий день в стаде уже с дюжину оленей перестают щипать мох и поднимают голову, вдыхая ветер. Когда лопари замечают это, тревога в становище растет с каждым днем.

По временам все стадо молодых оленей замирает на месте и с широко раскрытыми ноздрями, тяжело дыша, пристально всматривается в даль; потом начинает беспокойно толпиться и бить копытами по мягкой почве. Они перестают повиноваться человеку, и трудно запрячь их в легкие санки.

Дни идут. Лопари с возрастающей бдительностью стерегут оленей, хорошо зная, что случится рано или поздно. И, наконец, в сумеречном свете северного дня огромное стадо начинает двигаться. Порыв охватывает всех одновременно и неудержимо, все головы направлены в одну сторону.

Они движутся сначала медленно, продолжая обрывать там и сям кустики моха, растущего всюду в изобилии. Скоро медленный шаг переходит в рысь; стадо скрывается, а лопари спешат собрать последнее неуложенное имущество.

Все огромное стадо разом меняет рысь на галоп—на головокружительную скачку; отдаленный

топот дружного бега слышен в становище в течение нескольких минут—олени бегут к полярному морю напиться соленой воды. Лопари идут за ними следом, с трудом таща нагруженные сани по широкой тропе, протоптанной тысячами бегущих животных.

Проходит день в пути; море еще далеко и протоптанная оленями дорога еще широка. На следующий день она становится уже; на ней появляются пятна крови; вдали, среди неизмеримой равнины, зоркий глаз лопарей различает прямо впереди себя темный, неподвижный предмет, и еще такой же, а там еще.

Бег оленей становится все более бешеным, все более диким по мере того, как обезумевшие животные приближаются к морю. Ослабевшие олени падают на землю и гибнут под ногами своих товарищей. Тысячи острых копыт бьют и режут шкуру, мясо, кости.

Все быстрее и ужаснее бег; олени мчатся вперед не замечая павших, забыв о пище, о питье, обо всем, кроме соленой воды впереди. Когда же, наконец, лопари приходят на взморье, их олени снова мирно пасутся, они снова становятся ручными и послушными, снова готовы тащить сани, куда бы их ни заставили идти.

В это время олень должен вволю, с наслаждением напиться морской воды; если ему помешают, он погибнет. Ни человек, ни зверь не смеют встать между ним и океаном на его прямом, как стрела, тянущемся на сотни миль пути.

ПО СЛЕДАМ ОЛЕНЯ ПЕСЧАНОГО ХОЛМА

Рассказ Сэтона Томпсона

I.

Первая встреча

Был жаркий солнечный день. Ян бродил, охотясь за птицами, по бесконечным рощам и просекам пустынного «Песчаного Холма» близ Кербери. Вода в часто встречающихся болотных прудах сильно нагрелась от солнца, и Ян, миновав их, пошел к «Ключу Следа», где только и можно было найти прохладное питье.

Подойдя к ключу, Ян увидел в грязи маленький, ясно отпечатанный и изящный след копыта. Раньше он никогда не видал подобного следа и вздрогнул, потому что сразу узнал в нем след дикого оленя.

— На этих холмах теперь нет оленей,—говорили Яну местные жители.

Однако, когда осенью выпал первый снег, Ян, вспомнив о виденном им следе, снял спокойно винтовку со стены и сказал себе:

— Я буду охотиться по холмам каждый день, пока не изловлю оленя.

Ян был крепким, высоким юношей лет двадцати. Он не считался еще настоящим охотником, но был неутомимым ходоком и отличался упорством. Каждый день он отправлялся на поиски и много миль пробегал по снежным холмам, не увидав даже и следа оленя.

Но продолжительной погоне наступил конец. После длинных, утомительных прогулок по южным холмам, он напал, наконец, на след оленя, — неясный и старый, но все же след, и снова охотничий пыл охватил его при мысли, что где-то близко находится животное, оставившее этот след. Чем дальше, тем следы становились свежее, и Яну казалось теперь, что поимка оленя является только вопросом недалекого времени.

Сначала Ян не мог определить, куда направился олень. Но вскоре он нашел, что следы несколько резче на одном конце, и справедливо угадал, что это были копыта передних ног; он заметил также, что промежутки между следами укорачивались при подъеме на холм, и, наконец, ясный отпечаток на песчаном грунте разрешил всякие сомнения.

С новым волнением Ян двинулся вперед, через бесконечные рощи и холмы. След становился все яснее и яснее. Целый день Ян шел по следу, но к ночи след изменил направление и привел его

обратно к дому. Было уже темно, и пришлось прекратить охоту. Ян находился в семи милях от дома и в один час легко пробежал это пространство.

На следующее утро Ян вернулся к прежним следам, но вместо них нашел много новых, перекрещивавшихся во всех направлениях. Он побрел наудачу, пока не нашел два таких свежих следа, что легко мог возобновить вчерашнее преследование и пуститься в погоню. Он все время смотрел вниз, под ноги, и был крайне испуган двумя серыми животными с большими ушами, выскочившими прямо на него.

Они взбежали на откос, находившийся от него в ста метрах и тогда только обернулись и взглянули на Яна. Это были олени. Ян стоял, как вкопанный, и смотрел на них, а грациозные животные прыгали, едва касаясь земли и подымаясь почти на два метра над землей, пока, наконец, не исчезли из виду. Ян напряженно всматривался в них, пока они не скрылись из поля зрения.

Яну даже не пришла в голову мысль выстрелить по ним.

Когда олени исчезли, он подошел к тому месту, где они резвились, и стал рассматривать их следы.

— Я рад, что они убежали,—сказал Ян.—Сегодня они показали мне нечто такое, чего раньше я никогда не видывал.

Но наступило утро, и в Яне проснулись его охотничьи инстинкты.

— Я должен отправиться на холмы;—сказал он,—и снова найти след оленей.

Целый день рыскал он по окрестностям, спускаясь на своем пути белых зайцев и куропаток. Но снег, друг и недруг дикого оленя, в этот день растаял и уничтожил все следы.

На другой и на третий день Ян все еще бродил по холмам, но не видал даже признака следов.

Проходили недели. Много миль пробежал он, много дней и морозных ночей провел на покрытых снегом холмах, иногда нападая на след оленя, но чаще не встречая его. Забирался он и в густые леса по указанию охотников, и раз или два, действительно, видел светлые силуэты оленя, взбравшегося на холм.

Иногда до него доходили слухи, что большой олень посещает участки строевого леса близ лесопилки, и Ян не раз находил его след, но самого его и мельком не видал.

II

Погоня волков

Прошел год, наступил новый охотничий сезон, и Ян снова почувствовал охотничий азарт, разжигаемый рассказами опытных охотников.

Говорили о появлении на холмах могучего оленя—«Оленя Песчаного Холма», как называли его, говорили о его величине, о его быстроте, о чудных

ветвистых рогах. Они казались вылитыми из бронзы, с блестящими, как слоновая кость, отростками.

Лишь только выпал достаточно глубокий снег, Ян с несколькими товарищами отправился на охоту. Они дошли до Елового Холма и разошлись там с уговором встретиться к заходу солнца. Леса кругом изобиловали зайцами и тетеревами, и выстрелы раздавались повсюду, но след оленя не попадался. Ян в конце концов оставил лес и отправился один в долину, где в последний раз видели этого чудесного оленя. Пройдя несколько миль, он напал на такой большой и резкий след, прерывавшийся такими могучими скачками, что сразу узнал в нем след «Оленя Песчаного Холма».

Сразу почувствовав силу в ногах, Ян бросился по следу. В спине и у корней волос у него появилось знакомое покалывание от возбуждения.

Он бежал, пока не стало темнеть. Тут он вынужден был вернуться, так как Еловый Холм находился далеко.

Ян знал, что доберется до места гораздо позже заката солнца, и почти не надеялся, что товарищи будут ждать его, но это его не тревожило. Он гордился своею независимостью: у него были железные ноги и выносливость охотничьей собаки. Десять миль значили для него не больше, чем для другого человека одна миля. Он мог бегать целый день и возвращаться домой вполне бодрым.

Приближаясь к Большому Еловому Холму, Ян протяжно прокричал:—У-р-р-а-а!

«На всякий случай, если они здесь»,—сказал он себе.

Прислушиваясь, не откликнутся ли товарищи, он услышал тихий вой волков впереди, со стороны долины Кеннеди. Ян передразнил их, и вскоре последовал ответ. Заметно было, что они собрались стаей и, несомненно, гонятся за кем-нибудь, потому что это был их охотничий вой. Он раздавался все ближе и ближе, и тотчас же откликалось эхо со стороны леса. Тут у Яна внезапно мелькнула мысль:

«А ведь они напали на мой след и гонятся за мной!»

Дорога шла теперь по небольшой открытой поляне. В такой страшный мороз было бы безрассудно взбираться на дерево, и Ян отправился на середину открытого места и сел на освещенный лунною снег с блестящим ружьем в руках, с рядом светлых медных патронов за поясом.

С опушки леса попрежнему доносился протяжный вой, но только голоса изменились. Затем наступила тишина. Было светло, как днем, и волки, наверное, видели Яна сидящим, но пошли кругом по опушке леса. Справа раздался треск сучка, слева—тихое завыванье, и затем все смолкло.

Ян понял, что окружен, чувствовал, что звери следят за ним из чащи, и тщетно напрягал зрение, чтобы увидеть кого-нибудь из них и выстрелить. Но он знал: стоило ему только побежать,

и волки тотчас окружили бы его. Их, должно-
быть, было немного, потому что они решили оста-
вить его в покое, и он больше не видал их. Пере-
ждав минут двадцать и не слыша волков, Ян
встал и отправился домой. Дорогой он сказал себе:

— Теперь я знаю, что чувствует олень, слыша
позади себя шарканье ног и щелканье курка.

В последующие дни Ян изучал Песчаные Хол-
мы, проведя на них немало морозных дней и суро-
вых ночей. Он научился быстро гнаться по едва
заметным следам оленя. Он понял, почему олени
топчутся по снегу у каждого дуба, научился раз-
личать следы старых и молодых оленей.

Ему удалось проследить, как живет подо льдом
выхухоль, он понял, почему выдра спускается с
холмов. Белки научили его, как лучше очищать
еловые шишки и какие грибы съедобны. Он узнал,
зачем куропатка ныряет под снег, и почему лисица
так прямо расставляет ноги и имеет такой боль-
шой хвост.

Он изучил пруды, леса и холмы, узнал сотни тайн
относительно следов оленя, но самого оленя не
поймал.

Хотя и много миль исходил Ян вдоль и поперек
в сильные морозы, иногда нападая на след, а ино-
гда теряя его, но он продолжал охотиться, так как
не раз им руководил след «Оленя Песчаного
Холма».

„Олень Песчаного Холма“

Приближался конец охотничьего сезона.

Однажды по дороге в лес Ян догнал дровосека, который рассказал ему, что предыдущей ночью он видел двух оленей—самку и громадного оленя с необычайными рогами.

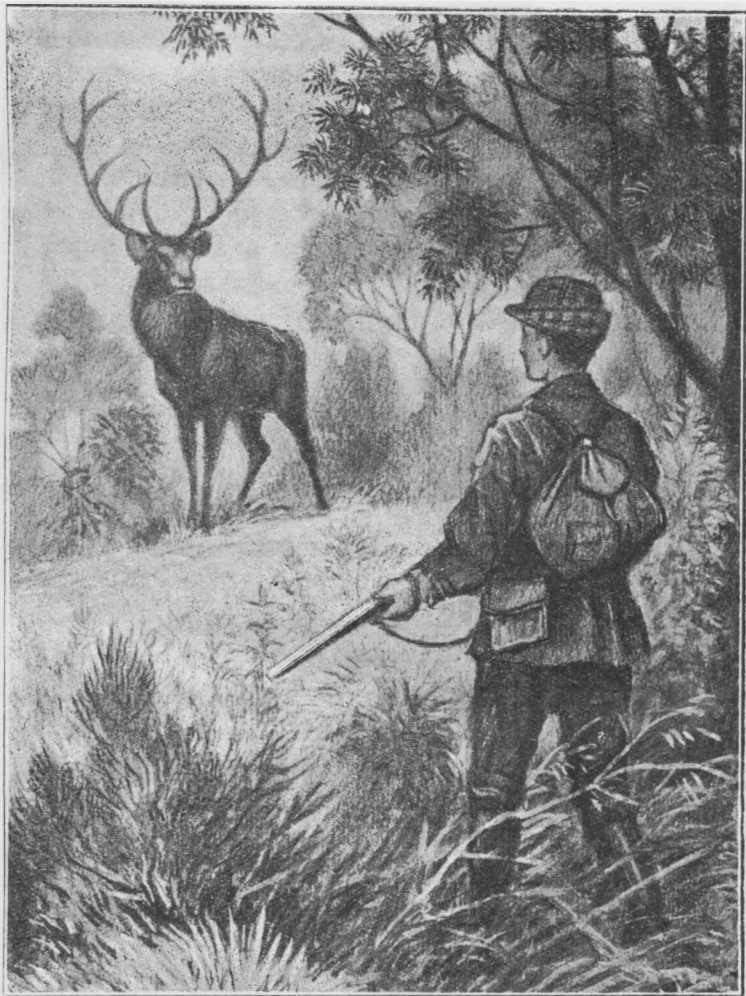
Ян отправился прямо к указанному месту и нашел следы. Один был похож на виденный им когда-то отпечаток в грязи, другой принадлежал, несомненно, «Оленю Песчаного Холма».

Ян помчался через леса и холмы по найденному следу.

Так он шел целый день и, благодаря развившемуся в нем чутью, замечал каждый знак и радовался, что олень нигде не сделал скачков. Когда солнце было уже низко и следы оказались свежими, Ян отложил в сторону ненужные вещи и пополз как змея, преследующая зайца. Целый день животные шли зигзагами, отыскивая пищу. Питьем служил им снег. И вот теперь вдали что-то мелькнуло из-за кучи хвороста на лугу.

— Вероятно, птица...

Ян лежал смирно и наблюдал. Затем он рассмотрел среди сучьев большой серый чурбан, с одного конца которого подымались две сучковатые дубовые ветви. Но вот опять промелькнуло что-то, дубовые ветви зашевелились, и Ян вздрогнул... Он понял, что чурбан в хворосте был «Олень

Ян отвел ружье от намеченной цели и задрожал от волнения...

Несчаного Холма». Теперь представился удобный случай, и Ян должен стрелять. Но Ян отвел ружье от намеченной цели и задрожал. Однако, вскоре он овладел собой, рука его стала тверда, зрение остро.

— Ведь это только олень,—прошептал он.

В эту минуту олень, насторожив уши, повернул голову в сторону Яна и пристально посмотрел на охотника своими выразительными глазами.

Ян задрожал, но все же выстрелил.

Выстрел не удался. Олень вскочил, и показалась самка. Ян сделал другой выстрел и, когда олени побежали, выстрелил еще несколько раз, но олени ушли, легко лавируя среди невысоких холмов.

IV

Дружба с индейцем

Ян преследовал оленей еще некоторое время и неистовствовал, не находя и следов крови. Пройдя милю, он нашел след другого рода, который усилил его бешенство: он нашел след мокасина с широкими носками, сделанного из шкуры американского лося,—словом, след индейца. Он пошел по этому следу, и, поднявшись на холм, увидел мужчину высокого роста, который при приближении Яна встал и приветливо поднял руку.

— Что ты тут делаешь в моей стране?—спросил Ян грубо.

— Это также и моя страна,—ответил индеец серьезно.

— Но тут мои олени,—сказал Ян и задумался.

— Никто не может быть собственником всякого оленя, пока не убьет его.

— А ты все-таки лучше оставь следы, по которым охочусь я.

— Не боюсь,—сказал индеец, указав жестом на обширность пространства, и затем прибавил ласково:—нехорошо ссориться, хороший человек всюду найдет сколько угодно оленей.

Кончилось тем, что Ян остался на несколько дней с индейцем, и, хотя не приобрел, правда, рогатого оленя, зато научился многим охотничьим приемам.

Индеец научил его не преследовать оленя по холмам, потому что животное следит за тем, не гонятся ли по его следам, и перебегает холмы. Он научил его точно определять посредством зрения и обоняния, далеко ли находится олень, и его величину и положение, а не гоняться за ним, когда он недалеко. Он научил его изучать ветер, подняв на воздух влажный палец, и Ян подумал:

«Теперь я знаю, почему нос оленя всегда влажен, это потому, что он должен всегда следить за направлением ветра».

Индеец обратил внимание Яна на то, сколько времени выигрывается благодаря терпеливому выжиданию, показал ему, что лучше ходить по-индейски, держа ногу прямо, выигрывая несколько сантиметров на каждом шаге и имея возможность

вернуться обратно по собственному следу, при глубоком снеге.

Иногда они отправлялись на охоту; вместе, иногда порознь. Однажды Ян, выйдя один, напал на олений след в зарослях у озера. След был свеж и, когда он подкрадывался по нем, в кустах слышался шорох. Затем Ян увидел, как затряслись ветви. Охотник поднял ружье и насторожился, стараясь точнее определить место прицела. Заметя темное существо, пробирающееся сквозь ветви, он хотел было уже спустить курок, но тут промелькнуло что-то красное, и он остановился, а через минуту появился индеец.

— Это ты!—проговорил Ян, задыхаясь от волнения.—Ведь я чуть было не выстрелил в тебя.

Вместо ответа индеец указал пальцем на свой лоб, повязанный красным платком. Тут только Ян понял, почему охотящийся индеец всегда надевает такой платок, и сам стал носить его.

Однажды стая луговых куропаток высоко летела к густому еловому лесу. За ней направлялись другие стаи, и это был, повидимому, общий перелет. Индеец поглядел на них и сказал.

— Куропатки прячутся в лесу. Ночью должен быть сильный мороз.

Мороз, действительно, ударил, и охотники целый день просидели у костра. На следующий день было так же холодно, как и накануне, и лишь на третий день стало несколько теплее, и охота возобновилась. Но индеец вернулся с ружьем,

сломанным при падении. Он долго молча курил и, очевидно, о чем-то думал.

На другой день индеец ушел, и они никогда уже больше не встречались.

V

Убитая лань

Начинался новый охотничий сезон. Ян услышал, что у одного озера, далеко к западу, показались семь оленей с чудесным вожаком.

С тремя другими охотниками Ян отправился на санях к озеру и вскоре нашел следы—шесть различного размера и один очень большой, несомненно, принадлежавший знаменитому «Оленю Песчаного Холма».

Но приближалась ночь, и охотники поспешно расположились станом на снегу.

Утром охота продолжалась, и вскоре охотники добрались до места, где семь темных пятен обнаженной земли указывали на то, что здесь ночевали олени.

Теперь, при свежих уже следах, Ян настоял, чтобы охотились пешком. Он заметил, что следы идут к густым кустарникам, и узнал наверное, где находятся олени, по крику птиц, взлетевших на противоположной стороне.

Надо было спешить, и охотники разделились на две партии и пошли по разным дорогам. Ян остался с Дуффом и, предоставив другим охотиться

за пятью оленями, взял на себя только два следа. Почему? Потому, что тут был широкий след того оленя, за которым он гонялся уже два года.

Они уже догнали оленей, но те снова разбежались в разные стороны. Тогда Ян послал Дuffа за ланью, а сам пошел немедленно по следу знаменитого оленя. Когда солнце было уже низко, зверь находился на обширной незнакомой ему поляне с редкими деревьями, так как Ян согнал его с прежнего его перебега.

След был свежий, но как раз, когда охотник наверняка ожидал благоприятного исхода, ясно раздалась два выстрела, и по найденному дальше следу можно было видеть, что олень помчался с быстротой вихря и мог бежать так несколько миль.

Ян вернулся и вскоре нашел Дuffа, который выстрелил два раза в лань, и, по его мнению, второй выстрел должен был ранить ее. Пройдя полмили, они, действительно, нашли кровавый след, который был замечен на протяжении полумили, но дальше крови уже не было, а след значительно увеличился и стал резче.

Шел снег и трудно было разобраться, однако Ян скоро определил, что теперь они уже нашли следы не раненой лани, а ее рогатого товарища. Они повернули назад, чтобы разрешить сомнение, и шли, пока не убедились, что олень, спасавшийся

от них бегством, вернулся обратно по старым следам.

Это обычная уловка преследуемого зверя, когда ему нужно догнать и спасти товарища, находящегося в опасности, дав ему возможность или спрятаться в стороне или бежать в другом направлении. Таким-то образом и олень задумал спасти свою раненую подругу, но охотники нашли ее след по едва заметным кровавым каплям.

Пройдя немного, они увидели, что олень после неудачной попытки отвлечь внимание охотников от лани вернулся к ней, и при закате солнца их можно было рассмотреть впереди, поднимающихся по высокому снежному склону холма. Лань шла медленно с опущенной головой и ушами. Олень бежал около, как бы в тревоге приближаясь иногда к ней. Пройдя еще с полмили, охотники настигли животных. Лань лежала на снегу. Увидя охотников, олень потряс лбом дуб, нерешительно покружился около и затем умчался от врагов, которым был не в силах сопротивляться.

Когда люди подошли ближе, самка сделала конвульсивное усилие, чтобы встать, но не могла. Дуфф вынул нож. Яну никогда раньше не приходило в голову, почему он и другие охотники имеют при себе длинный нож. Лань устремила на своих врагов большие блестящие глаза. Они были полны слез, но она не стонала. Ян отвернулся в сторону и закрыл лицо руками, Дуфф же выступил с ножом вперед и покончил с ланью.

Ян едва сознавал это, и когда Дуфф окликнул его, он медленно обернулся и увидел подругу оленя лежащей в снегу. Уходя, они увидали большую круглую тень на ближайшем холме.

Когда же через час явились люди, чтобы поднять труп лани со снега, обогренного кровью, то заметили свежие следы около нее и темную тень на белеющем холме, скрывающуюся затем в темноте.

VI

Преследование оленя

Когда охотники напали, наконец, на свежий след «Оленя Песчаного Холма», юноша не выдержал:

— Я не могу возвратиться домой: что-то подсказывает мне, что я должен остаться; я должен еще раз встретиться с ним лицом к лицу.

Остальные уже порядочно озябли, и Ян, распрощавшись с ними, пошел один по большому, резкому следу.

— Прощайте! — крикнули они ему. — Счастливей охоты!

Когда товарищи скрылись из виду на холмистой равнине, Ян почувствовал то, чего никогда раньше не чувствовал. Хотя ему и приходилось в течение многих месяцев бывать одному, но он никогда не ощущал одиночества. Теперь же, когда удалились товарищи, ему даже хотелось догнать сани, и только гордость помешала Яну сделать это.

Но вскоре он уже снова находился во власти пленительного бесконечного ряда следов.

К вечеру, после многих скитаний, след привел охотника к обширной и густой заросли хрупкого и гибкого осинника. Ян знал, что олень расположился здесь на ночь. Он, наверное, пришел по ветру. Его глаза и уши всегда настороже, нос сообщает, что делается впереди. Ян направился к нему сбоку, надеясь, что удастся произвести удачный выстрел.

Шаг за шагом подвигался он с чрезвычайной осторожностью и через несколько минут действительно нашел главный след, затем—другой, но тут позади его послышался треск ветвей, хотя след все еще вел вперед. Ян объяснил себе впоследствии, что олень, прежде чем расположиться на ночлег, повертелся и повернул назад, и когда Ян думал, что олень впереди, он лежал далеко позади, а, услышав приближение человека, успел скрыться.

Еще раз приходилось идти на неизвестный север, а уже наступила морозная темная ночь. Ян нашел защищенное место и развел небольшой костер, какой разводят краснокожие.

Был сильный мороз. Трещали и деревья и земля. Лед на ближайшем озере расседался всю ночь, и треск проносился от берега к берегу. Жгучий холод царил и среди холмов.

Метель прошла, и Ян охотился целый день, не видя следов оленя, ночь же провел, как и предыдущую. В первую ночь он слегка отморозил лицо

и ноги и теперь еще чувствовал в них болезненное жжение. Но он продолжал охоту, предчувствуя, что олень близко.

На следующий день он с отчаяния направился на восток в бесплодную местность, где, повидимому, олени не водились.

Однако, пройдя полмили, он набрел на неясный след, сделанный недавно во время метели. Он пошел дальше и вскоре нашел место ночлега шести оленей, среди которых находился и великан, что можно было узнать по большому и темному месту его отдыха и по громадному следу. Следы были еще свежие.

Не прошел Ян и сотни шагов, как с холма, окутанного туманом, показались пять голов с поднятыми ушами, и со снежной вершины поднялась большая фигура в виде опаленного ствола, с двумя оставшимися высохшими сучьями. Но олени скоро увидели Яна, и прежде чем он успел выстрелить, холм заслонил их от человека.

«Олень Песчаного Холма» снова собрал свое стадо, однако увидя, что преследователь опять напал на их след, олени рассеялись, как и раньше. Но для Яна был важен только один след.

Наконец, охотник направился к большой ложбине Соснового Содника,—широкой равнине, поросшей посредине густым кустарником.

«Вот где он скрывается теперь,—подумал Ян,—но здесь он не останется». Ян притаился и наблюдал. Через полчаса черная масса вышла из

тальника и двинулась к дальнему холму. Когда она совершенно скрылась из вида, охотник перебежал через равнину и обогнул ее. След он, действительно, нашел, но олень оказался не глупее его: он выбрал удобное место для наблюдения за своим старым следом, и, видя, что Ян пересекает равнину, умчался быстрыми прыжками.

Олень часто взбирался на высокий холм, оглядывая окрестность, нет ли где врага, и каждый последующий след его показывал, на что он надеялся или чего опасался. Наконец, след внезапно пропал. Это было необъяснимо, и только после тщательных наблюдений оказалось, что олень, пробежав немного назад по своему же следу, прыгнул в сторону и убежал в другом направлении.

Три раза он проделывал то же самое, наконец, прошел через заросль своего следа, так чтобы охотник неминуемо проходил там, где олень мог почуять и увидеть его гораздо раньше, чем тот приблизится к нему.

Все эти повороты и другие хитрые уловки были терпеливо распутаны, короткие прыжки привели к настоящему следу, но к вечеру след снова оказался старым и расстояние между прыжками становилось больше. Ян совершенно растерялся, он не пошел дальше и опять провел бесполезную ночь.

На заре следующего дня он выяснил, что олень шел по старому следу и, чтобы обмануть охотника, делал прыжки в сторону. Наконец, найден был и настоящий след. Охотник был неутомим,

а олень был так измучен и испуган, что не мог уже ни есть, ни пить.

VII

Прощанье с оленем

Последнее продолжительное преследование зверя кончилось тем, что местом охоты оказалась опять болотистая поляна с тремя дорогами в лес. Олений след привел сюда. Охотник чувствовал, что животное здесь, что оно уже больше не выйдет отсюда. Поспешно и осторожно пошел он по второй дороге, повесил тут на погнувшееся деревцо свою одежду и пояс, быстро свернул на третью тропинку и притаился. Через несколько минут, ничего не замечая, Ян тихо свистнул, как свистит сойка в лесу, когда грозит опасность.

Олени прислушиваются к предостережению сойки, и Ян увидел, как впереди шел большой олень с поднятыми ушами, направляясь к возвышенному месту для наблюдений. После повторного свиста олень остановился, как вкопанный, но он был далеко за деревьями. В течение нескольких минут он стоял спиной к неприятелю. Затем он быстро сошел с холма без треска, не перескакивая через хворост, и бесшумно, как лисица, исчез.

Ян притаился в чаще ивняка, напрягая слух. Ему показалось, что зверь скрывается под ветвями. Ян тихо поднялся с ружьем на перевес, и в то же время шагах в пятидесяти впереди поднялся

благородный стан оленя с царственной головой, увенчанной чудными рогами, словно вылитыми из бронзы.

«Олень Песчаного Холма» и Ян стояли, наконец, лицом к лицу. Наконец-то жизнь оленя была в руках Яна. Олень не отступил, он стоял и смотрел своими печальными, правдивыми глазами. Винтовка дрогнула в руке Яна, но снова опустилась, потому что олень стоял смирно и продолжал кротко смотреть ему прямо в глаза. Ян почувствовал, что первая дрожь в олене стихает, что ноги, напряженно согнутые для прыжка, ослабели и мужественно стояли прямо.

Охотнику стало жаль оленя. Животное было слишком прекрасно.

Ян опустил свое ружье, и олень спокойными, грациозными прыжками скрылся в чаще леса.

ВЫСТРЕЛ СОСТРАДАНИЯ

Рассказ Б. Скубенко-Яблоновского

I

Олени—пантаци

Панты, неокрепшие молодые рога манчжурских оленей, ценятся в Китае очень дорого—от ста до четырехсот рублей. Из их жиров приготавливаются лекарства, имеющие, как утверждают китайцы, целебную силу и излечивающие от многих тяжелых недугов.

Каждый олень ежегодно зимою сбрасывает свои рога, а весной у него вырастают новые. Месяцы: апрель, май, июнь—являются временем добывания пантов, когда студенистая масса рогов оленя еще обильно наполнена кровью. Снятые рога высушиваются особым способом, который держится китайцами в строжайшей тайне. Среди звероловов-китайцев есть специалисты по приготовлению пантов, и их промысел доставляет им хороший доход.

Оленей-пантачей ловят в так называемые зверовые ямы. Эти ямы роются на тропах, где ходит зверь, и бывают до трех метров глубины и до

двух с половиной метров ширины. Сверху ямы искусно прикрываются толстыми ветками и корой и бывают совсем незаметны. На дне ямы вбивается длинный заостренный кол. Падая в яму, олень натывается на него и гибнет, мучаясь иногда по нескольку часов.

Некоторые звероловы предпочитают добывать панты с живых животных; такие панты ценятся особенно дорого, свыше 500 рублей.

II

Зверолов Вей-ха-Лин

Весенний воздух сладким ароматом разливался по тайге; густая зеленая трава была усеяна множеством душистых цветов. Всюду раздавалось немолчное птичье пение.

Я и мой спутник по Манчжурской тайге, Васька-Медведь, прозванный так китайцами-звероловами за огромный рост и громадную силу, сидели у фанзы старого китайца-промышленника, издавна поселившегося в этих лесах неподалеку от холмов Ялу-Цзяна.

Старый опытный китаец проживал в таежной глуши вместе со случайно встреченным в лесных дебрях молодым звероловом Хын-Туном. Эгот зверолов, однажды избавивший старика от трех хунхузов меткими выстрелами из своей винтовки, решил навсегда остаться в его фанзе. Старик привязался к Хын-Туну, как к сыну.

Чего не могла сделать старость Вей-ха-Лина, то быстро и легко совершала мощная сила окрепшей молодости Хын-Туна.

Все мы четверо, заливаемые яркими солнечными лучами, расположились на круглой поляне. Атлет Васька-Медведь лежал в растяжку на земле и благодушно покуривал из коротенькой трубки, правой рукой придерживая свою неразлучную винтовку.

На ногах Васьки были надеты кожаные улы, а на голове широкополая шляпа, сплетенная из соломы.

Вей-ха-Лин расположился у гранитного камня, оттачивая напильком небольшую с длинными зубцами ручную пилку. Слышался визгливый, скрипучий звук железа.

Хын-Тун—крепкий молодой манчжур—тут же рядом старательно чистил свою винтовку.

Я с Васькой-Медведем хотел пройти к потайным таежным приискам, где «старатели» занимаются добычей золота хищническим способом. Меня интересовала своеобразная таежная приисковая жизнь.

Ваську-Медведя все звероловы и приисковые артели лесных бродяг встречали с почтением. Его огромная сила сразу внушала уважение. Был Васька в общении и с некоторыми предводителями хунхузов, по временам заглядывавшими в его укромную фанзу, и не раз получал предложение вступить вожаком в шайку лесных разбойников.

Но все уговоры ни к чему не вели. Васька наотрез отказывался заняться рискованным промыслом.

— Я—охотник на зверей,—заключал Васька свои доводы,—а вы там как хотите—ваше дело.

Когда-то давно Васька вышел в тайгу из средней России, да так и застрял в девственной глуши, увлекшись богатым зверовым промыслом. Здесь было где развернуться силам великана.

Вей-ха-Лин продолжал оттачивать свою пилу.

— Ишь ты, азиат,—добродушно кивнул Васька в сторону старого зверолова.—Пилку оттачивает. Живого зверя будет зубьями драть. Неужели не противно тебе живого зверя пилить? Хорошо бы и с мертвого панты снять. Так нет же, вот причуды.

Васька-Медведь прекрасно говорил по-китайски, а старик Вей-ха-Лин недурно объяснялся на русском языке, научившись ему в бытность свою во Владивостоке и в Харбине.

Вей-ха-Лин повернул свое старческое, сплошь изборожденное морщинами лицо в сторону Васьки и сказал:

— Нас, китайцев, европейцы считают за диких и не признают наших лекарств. Но напрасно они так самонадеянны. Они думают, что если мы едим собак, лягушек, змей, кузнечиков, жуков, пчел, то не можем быть искусными и мудрыми в приготовлении особых целительных снадобий. Однако, если бы их лекаря имели в своем распоряжении

приготовленное вещество изюбровых пантов, многие люди не умирали бы у них преждевременно.

И старик снова продолжал старательно оттачивать напильком длинные зубы.

Дня через два после этого все мы четверо продвигались по извилистой зверовой тропе к ямам, в которые часто попадали олени, и которые старик осматривал ежедневно.

Узкая тропинка прихотливо повернула влево. До ямы было недалеко.

Несколько сот шагов и мы стояли у западни. В ней что-то было. На это ясно указывало образовавшееся среди веток и травы отверстие.

Мы с любопытством заглянули в яму...

— «Ма-лу» (изюбр)—произнес Вей-ха-Лиц.

С этими словами он быстро вытянул из-за пояса веревку, привязал ее одним концом к стволу ближайшего дерева и стал спускаться в яму. За ним последовал Хып-Тун.

На дне ямы беспомощно растянулось крупное грациозное животное. Благородный олень при падении сломал себе передние ноги. Из шелковистой шерсти на сгибе колен торчали наружу остро выпершие кости; все тело изюбра тряслось от боли мелкой судорожной дрожью; обаятельно красивая голова с темными, как ночь, агатовыми глазами то поднималась от земли, то также внезапно опадала. Задние ноги бессильно и торопко ерзали по земле. Этим движением зверь выражал свой испуг перед людьми, пришедшими покончить с ним.

Глаза животного слезились. Оно плакало—беспомощное и немое. В больших агатовых зрачках его светился кроткий печальный упрек.

Вей-ха-Лин поспешно взял в руки прикрепленную сбоку у пояса узкую железную пилку, и, нагнувшись к изюбру-пантачу, сказал Хын-Туну:

-- Держи его за шею. Я буду пилить.

Стальные зубья пилы вонзились в череп изюбра и зашипели по кости... Животное мучительно рванулось в сторону. Напрасно. В его шею впились крепкие пальцы Хын-Туна.

Вей-ха-Лин невозмутимо пилил и пояснял молодому зверолову:

— Чтобы панты сохранили в себе всю чудодейственную силу образовавшегося из крови студенистого вещества, надо спилить их вместе с лобной костью у живого зверя. Если у мертвого, сын мой,—наполовину уменьшится им цена... Целебные соки отхлынут из пантов в тело животного.

Ловко и быстро проделал Вей-ха-Лин операцию с лобной костью.

Несчастное животное с открытым черепом все еще продолжало жить и мучаться. Белая студенистая масса мозга была обнажена. Изуродованный изюбр издавал странный, тихий храп и трясся мелкой дрожью.

Хын-Тун приготовился покончить с животным, вынув из ножен острый, как бритва, нож. Один, другой удар клинка,—и мучения животного мгновенно прекратились. Только большие прекрасные

глаза все еще продолжали смотреть куда-то в пространство, поражая своей влажной ясностью. Но вот и они стали меркнуть.

Выбравшись из ямы вместе с пантами, звероловы не без труда вытащили крупную тушу изюбра, весившего до двухсот килограмм.

Задние ноги они отрезали и взяли с собой, а всю переднюю часть отволокли далеко в сторону от ямы в густую чащу, чтобы запах разлагавшегося мяса не отпугивал изюбров от тропы.

К прежним трофеям Вей-ха-Лина прибавился новый, только что снятый.

Васька сплюнул в сторону и сказал своим низким скрипучим басом:

— Не могу я так промышлять зверя, как они. Коли бью пантачей, так только пулей. А у них живодерня.

Я не мог не согласиться с Васькой. Вся операция, совершенная на моих глазах, произвела на меня отталкивающее впечатление.

III

Васька не выдержал

В другой раз мы отправились с Васькой к потайным манчжурским приискам. Только с помощью Васьки я и мог проникнуть туда.

Дорогой мы неожиданно наткнулись на одну из ям-ловушек зверолова Вей-ха-Лина. Трава и ветки,

маскировавшие яму, оказались потревоженными. Мы заглянули туда и заметили там изюбра, по счастливой случайности не сломавшего ног и не попавшего на кол.

Животное заметалось в разные стороны. В яме оказался не один пантач. В углу прижался наершившийся енот, а напротив него—лисица. Оба эти зверя сидели смирно, не шевелясь, словно сознавая, что всякие попытки выбраться напрасны.

Не успел я подумать о том, что надо сделать с изюбром, как Васька-Медведь предупредил меня. На лбу сдвинулись морщины, в глазах мелькнула сосредоточенная мысль.

— Избавим зверя от мучений,—решительно сказал он.—А то ведь китайцы придут сюда, опять начнут пилить ему живому лобную кость.

И, вскинув винтовку, Васька пригнулся к яме, прицелился в зверя... Раздался выстрел. Словно сраженный молнией, мгновенно грохнулся на дно ямы высокий стройный пантач.

— Так-то лучше,—угрюмо кинул Васька.

Мы двинулись дальше.

Вешнее солнце радостно смеялось с ясного голубого неба; не успевшая испариться на листьях кристалльная роса лучилась всеми цветами радуги, цветы и травы вливали в свежий воздух свое душистое дыхание...

ДВА КАРИБУ

Рассказ Чарльса Робертса

Солнце склонялось на запад. Уединенное озеро, ровное и прозрачное как зеркало, переливалось розовыми, янтарными и золотыми оттенками в своих плоских пустынных берегах. Только на одном берегу к озеру почти вплотную подходили темные густые чащи елового леса; деревья доходили почти до самой воды, резко обрисовываясь на фоне неба своими острыми, копьевидными вершинами. С этого берега длинная песчаная коса врезалась прямо в озеро.

На краю этой косы стоял гигантский олень-самец, неподвижный, точно бронзовое изваяние. Его могучий корпус и высоко поднятая вытянутая вперед голова выделялись резким черным силуэтом на светящемся оранжевом небе. Красивые ветвистые рога оленя откинулись назад через плечи.

Далеко, на берегу озера, одинокий охотник лежал у угасающего костра, любясь величественным силуэтом зверя. Он лежал, совершенно скрытый темным фоном деревьев и кустов. Но вскоре человек вспомнил, что он—охотник, а чудесный

олень его дичь, которую он не должен упустить. Прошло всего несколько мгновений, и охотник потянулся за своей винтовкой и за свернутой в трубку березовой корой, лежавшей поблизости. Бесшумно, точно змея, пополз он под прикрытием чащи молодых елей. Здесь он поднялся на ноги и проскользнул в лес.

В это же самое мгновение олень, словно почуяв близость невидимого врага, повернулся и беззвучно углубился в лес.

Вскоре от крошечного костра осталось лишь немного белого пепла, и настал полумрак безоблачной ночи—тихой, холодной и слабо пахнущей влажным, крепким ароматом хвои, лавровых ягод и папоротников. До восхода луны оставался еще почти час. Ночной лес, казавшийся таким пустынным и неподвижным, наполнился вдруг невидимой жизнью. Но нигде не слышалось ни звука, лишь время от времени слышался необъяснимый шелест сухого листочка или журчание воды где-то в тени у берега.

Пробираясь бесшумно по лесу, охотник забрался, наконец, в самую чашу молодых елей, из-под нависших веток которых он мог отчетливо рассмотреть вдававшуюся в озеро песчаную косу. Он немного огорчился, но ничуть не удивился, заметив, что большой олень исчез. Усевшись и прислонившись спиной к стволу толстого дерева, с ружьем и берестяным рожком поперек колен, он приготовился ждать с неистощимым терпением, с той

чуткой и неподвижной бдительностью, которая приобретает труднее всех остальных качеств, необходимых для охотника.

Над плоским черным горизонтом за нижним концом озера засиял первый бледный отблеск восходящей луны. При виде его охотник поднес к губам рожок из березовой коры и издал низкий, блеющий призыв, странный и дикий, но полный невыразимой мольбы. Два раза он протрубил этот странный призыв. Затем замер в напряженном ожидании.

Он знал, что, когда призываешь оленя, никогда нельзя знать, кто может притти.

Конечно, мог притти ожидаемый самец, с выдающейся над темной стеной кустов красивой рогатой головой и ярко горящими глазами, но он тут же мог смутно почувствовать, что является обманутым, и снова беззвучно вернуться во мрак.

Но на лживый призыв самки мог выйти совсем не олень-самец. Могла выскочить неуклюжая самка лося, мог появиться и более опасный зверь, например, медведь, могучий старый самец, научившийся неожиданно набрасываться на самку лося и ломать ей шею одним ударом лапы, вооруженной железными когтями. На случай появления медведя охотник всегда держал свою винтовку наготове.

Но иногда может не быть и никакого ответа за всю длинную, холодную, посеребренную луной ночь, как бы искусно ни призывал оленя берестевый рожок.

И охотник предполагал, что именно таким и будет результат его призыва. Если бы он случайно взглянул через плечо, то вероятно, решил бы иначе. Он мог бы увидеть, как тени приняли форму и сгустились в гигантское плотное тело, как раз за тем деревом, о которое он опирался спиной. Он мог бы увидеть широкие ветвистые рога, длинную угрюмую голову, обвислые губы, влажные глаза, которые, заметив человека в засаде, вспыхнули, но сейчас же померкли от страха и чувства самосохранения. Гигантская фигура снова быстро расплылась в тень, а охотник и не заподозрил, что его подстерег тот же олень, за которым он сюда пришел.

После продолжительного молчания рожок из березовой коры снова послал вдаль свой призыв. Он звал долго и громко, затем издал несколько ласковых манящих и нетерпеливых ноток.

Когда звуки умолкли, из густого мрака у самой песчаной косы донесся легкий треск сухих веток, шелест листвы, который, казалось, двигался к открытому месту. Охотник пришел в недоумение: олень, идущий на призыв, или выскочил бы стремительно и вызывающе, производя гораздо больше шума, или вынырнул бы из мрака крадучись и совершенно беззвучно. С бьющимся сердцем человек склонился вперед, чтобы посмотреть, кто появится на песчаной косе.

К его удивлению, это был не самец, а небольшая серая самка карибу, казавшаяся почти белой в

горизонтальных лучах теперь уже наполовину показавшейся из-за горизонта луны. За нею следовала вторая самка, более темная, а затем крупный, великолепный самец карибу.

Тихо и вкрадчиво снова протрубил свой призыв охотник, но ни один из карибу не обратил на него ни малейшего внимания. Самцу карибу было совершенно безразлично, что какая-то одинокая самка бросила свой хриплый призыв, — у него уже было собственное стадо.

По своему росту и сложению это был прекрасный экземпляр карибу, со светло-серой головой, шеей и плечами, казавшимися белыми по сравнению с матово-коричневым цветом остальной шерсти. Но рога, его, хотя и большие, были непропорциональны и так некрасивы, что охотник, нуждавшийся в рогах, а не в мясе и шкурах оленей, решил не убивать животное. Он предпочел подождать более подходящего случая.

Несколько минут простоял карибу, глядя на противоположный берег озера, точно раздумывая, переплыть ли ему туда, или нет, и две его спутницы наблюдали за ним с покорным вниманием. Но, каково бы ни было намерение карибу, осуществить он его не успел, — внезапно раздался новый, гораздо более стремительный треск среди кустов, и глаза маленького стада обратились в ту сторону, где слышался шум, чтобы посмотреть, кто к ним приближается.

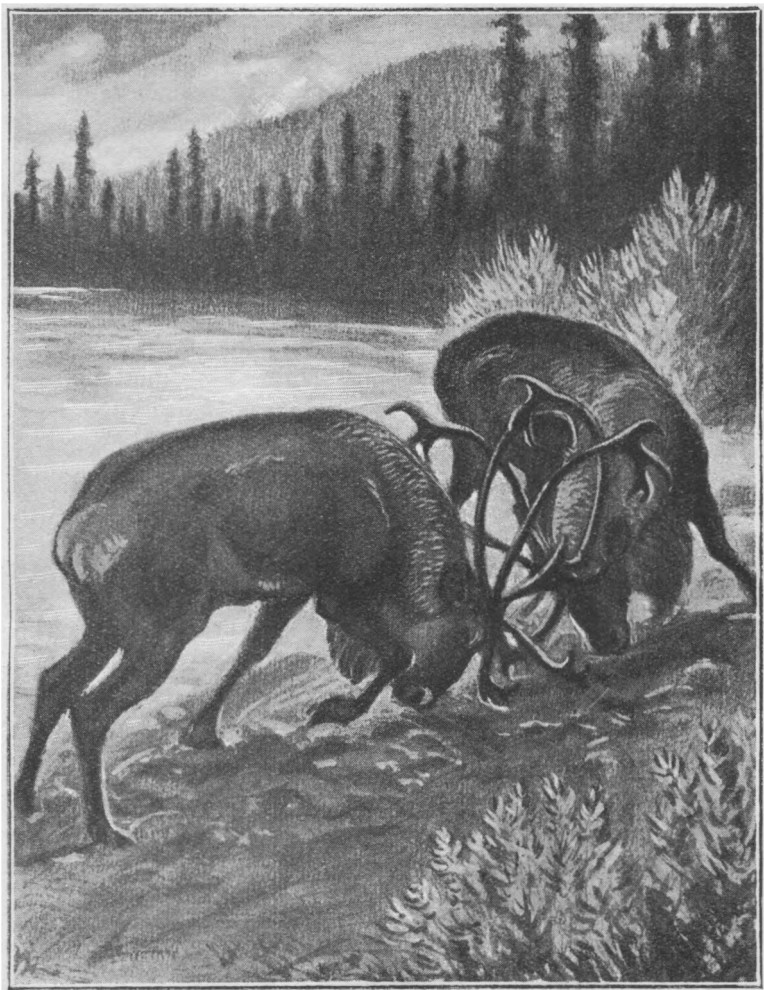
Через мгновение второй самец-карибу, приблизительно такого же роста, как первый, но гораздо темнее цветом, быстро выскочил из кустов. Он пробежал приблизительно пол-дороги до песчаной косы и остановился с вызывающим храпом и ревом.

У вновь пришедшего была великолепная пара рогов, но охотник теперь позабыл о своей винтовке.

Белый карibu, пораженный неожиданным вызовом, остановился на мгновение, шевеля большими ушами. Затем горячая кровь бросилась ему в голову. Оттолкнув в сторону обеих самок, стоявших у него на дороге, он с яростным ревом бросился навстречу дерзкому врагу, желавшему отнять у него его стадо.

С низко опущенными головами, с носами, упертыми в колени, и направленными вперед рогами карibu бросились друг на друга, порывисто храпя. Твердые рога ударились друг о друга, издав сухой треск. Будучи одинакового роста, они оба выдержали удар. Правда, каждый слегка пошатнулся, но сейчас же, придя в себя, олени стали толкать друг друга со всей силой своих напряженных, мускулистых тел, глубоко погрузив в песок острые копыта.

Затем внезапно, точно в их разгоряченных головах сразу мелькнула одна и та же мысль, карibu разошлись и отскочили назад, точно ловкие фехтовальщики.

Карибу бросились друг на друга, порывисто храпя. Твердые рога ударились, издав сухой треск...

Несколько жутких секунд они простояли, смотря друг на друга с опущенными вниз рогами; большеглазые самки слегка пряли ушами, спокойно глядя на борющихся, а луна, теперь уже выплывшая из-за деревьев, заливала всю картину своим ярким светом.

Внезапно вновь пришедший темный самец, словно желая перехитрить своего противника, сделал выпад вправо, стремительно бросился вперед. Но белый карibu был слишком опытен, чтобы его можно было поймать такой уловкой. Он встретил атаку лицом к лицу. Снова сшиблись рога. Снова громкий храп и свирепое ворчанье нарушили тишину ночи, и равные друг другу противники стали толкать и теснить друг друга, неуклюже расставив задние ноги и взрывая копытами песок.

Случайно одна из задних ног белого карibu попала в яму. Ослабив на минуту свой напор, он был оттеснен почти к самой воде. Но он снова укрепился на ногах и даже благодаря мгновенной рассеянности противника, опять достиг прежнего положения. Оба остановились. Пока бой шел с совершенно одинаковыми шансами.

Судя по рогам, белый самец был старше и благодаря этому имел больше опыта в боях. Теперь, может быть, он решил, что против врага, почти равного ему по силе, ему выгоднее прибегнуть к хитрости. Он сделал внезапное движение, чтобы высвободить рога и отпрянуть в сторону.

Опытному глазу охотника, наблюдавшего из чащи, намерение его было вполне ясно, но выполнить его карibu не пришлось, благодаря странной случайности.

В тот самый момент, когда он пытался высвободиться, темный самец стремительно бросился вперед. Не встретив ожидаемого сопротивления, он потерял равновесие и упал на колени. Белый карibu использовал удобный момент, сразу изменил свой план и быстро устремился вперед. На мгновение показалось, будто темный карibu не сможет уже больше подняться; могучие плечи противника высоко вздымались над ним.

Это был для белого карibu самый благоприятный момент. Ему оставалось только окончательно повернуть противника на землю и, высвободив рога, распороть бок несчастного темного карibu и втоптать его в песок. Но белый карibu этого не сделал. При падении противника он и сам подался вперед. Затем он потянулся назад, но слишком медленно. Эта медлительность помогла врагу встать на ноги.

И снова оба оленя стояли друг против друга, напрягая все силы, тяжело дыша и храпя, но ни один из них не двинулся ни на шаг.

— Опять сомкнулись,—тихо прошептал охотник.

Действительно, две пары рогов олять зацепились друг за друга. Теперь было ясно, что мало-помалу белый карibu одерживал верх в этом единоборстве, так как, наконец, снова завоевав

свое первоначальное положение, он стал упорно, хотя и медленно оттеснять противника в лес. Затем вдруг во время минутного перерыва для отдыха оба одновременно поняли опасное положение, в которое они попали. Сцепившись рогами, они теперь никак не могли расцепиться. Оба в одно и то же мгновение попытались отступить назад. В следующее мгновение они безумно забились, чтобы как-нибудь разойтись.

Но сколько они ни бились и ни метались, все их усилия оставались напрасными. Животные, наконец, остановились, безнадежно сцепившись, в мучительной позе, не имея возможности даже выпрямить согнутых шей.

В этом состоянии, напомиавшем игру «кто кого перетянет», белый карибу все-таки одерживал верх. Преимущество дал ему его вес. Он протащил своего храпящего противника вдоль песчаной косы так, что самки, почти сдвинутые в воду, пронеслись мимо них с негодующим храпом и исчезли на берегу.

Еще несколько мгновений,—и белый карибу, продолжая тащиться, сошел с песка и попал в воду. Испуг, вызванный погружением в воду, казалось, усилил ярость белого карибу. Все силы точно ожили в нем, он опять бросился в атаку и отшвырнул темного карибу назад с такой бурной силой, что тот едва удержался на ногах.

Но задние ноги темного карибу запутались в поросли, и он опустил на колени. Обезумев от страха, он пытался бить и колоть своими

попавшими в тиски рогами и в этой тщетной борьбе перевернулся на бок. Белый карибу опустился на землю вместе с ним, и оба лежали с высоко вздымающимися боками, громко дыша.

Охотник отложил свой рожок из березовой коры и уже собрался выйти из своей засады, чтобы покончить дело при помощи ножа. Но произошла внезапная помеха. Оказалось, что не он один был свидетелем странного боя.

Из чащи, подходившей к нижнему краю косы, показался огромный черный медведь. Подняв огромную лапу, он напал на измученных борцов. Один удар переломил шею белого карибу. Повернувшись ко второму, уставившемуся на него безнадежными, полными ужаса глазами, он принялся кусать его с медленной жестокостью.

В это мгновение из чащи раздался выстрел. Медведь с простреленным разрывной пулей позвоночником упал неуклюжей тушей на согнутые передние ноги своей жертвы. Выйдя на лунный свет охотник спокойно перерезал раненому карибу глотку.

Выпрямившись, он несколько мгновений смотрел на три безжизненные тела, валявшиеся на песке. Затем он обвел взглядом зеркальные воды и ровные пустынные берега озера. Какими странными казались и эта внезапная тишина, и немой белый свет луны после только что затихшей кровавой борьбы.

Отойдя подальше, охотник сел на бревно, выкинутое на берег, спиной к месту недавнего боя, и стал задумчиво набивать свою трубку.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕМЬИ КОСУЛЬ¹

Рассказ Ч. Бенсусан

К началу июня леса оделись пышной зеленью; ни одна человеческая нога не смяла свежей густой зелени трав и кустов, и только нежные птичьи голоса нарушали господствовавшее кругом глубокое молчание. За лесом гордо вздымались темные сосны, покрывая склоны холмов, тянувшихся к крутым горам, в расщелинах которых водились бурые косули. С противоположной стороны, вплоть до населенных местностей, простиралась долина, покрытая возделанными участками, развернувшись пышным зеленым ковром.

Хлеба были еще зелены, и фермерам пока нечего было делать на них; поэтому косуля,

¹ К о с у л я (козуля) — млекопитающее животное из рода оленей, 1, 25 м. длины и 75 см. вышины в плечах, весом от 20 — 30 кг. Изящное животное с короткой притупленной головой, ушами средней длины, большими глазами, умеренно длинной шеей, высокими стройными ногами и маленькими узкими острыми копытами. Рога с широким венцом, сильные, бугорчатые, обыкновенно только с двумя отростками. Косуля сверху и с боков летом темно-ржаво-красного, зимою — буро-серого цвета; снизу и на внутренней стороне конечностей более светлого цвета. Водится почти по всей Европе (приблизительно до 58 градусов сев. широты) (П р и м. р е д.).

оставившая своего товарища и маленькое стадо, с которым она бродила весь конец мая, чувствовала себя спокойной и довольной в избранном ею убежище—уединенном уголке в густой поросли, и здесь в начале июня у нее родилось двое маленьких телят.

Это были прехорошенькие малыши с шубками более светлыми, чем летняя шубка матери, испещренными белыми пятнами, сохранявшимися не особенно долго. Мать охраняла их с тревожной и нежной заботливостью и все время, пока они питались ее молоком, ни на минутку не спускала с них глаз. В дни их полной беспомощности она совсем не выходила из леса, и первые ее прогулки с ними, казалось, наполняли сердце ее тревогой.

В начале июля, когда малыши уже научились резвиться и играть в счастливом неведении того, что называется опасностью, молодой сеттер Дональда, сына одного из соседних фермеров, пустился в поиски приключений и случайно забрел в лес. Он был еще совсем щенком, не имевшим ни малейшего сознания своего назначения, и сгорал желанием поиграть с незнакомыми ему животными. Но мать малышей сильно испугалась, не поняв его намерений. Она издала крик, обозначивший сигнал залечь в густой папоротник, а сама направилась к щенку.

Будь у нее рога, незваному гостю пришлось бы плохо, но и без них она умудрилась лягнуть

его довольно сильно, и он бросился из леса с громким визгом.

После этого случая косуля удвоила осторожность и очень часто останавливалась с приподнятой кверху передней ногой, чутко прислушиваясь ко всяким подозрительным шорохам и звукам. К концу месяца возвращение бродяги-мужа несколько облегчило ее заботы о малышах.

Беззаботный самец, как ни в чем не бывало, появился после своего двухмесячного отсутствия. Это было очень красивое животное с длинными рогами, украшенными передними и задними отростками и представлявшими полную картину прекрасного головного украшения взрослого самца косули. Ростом по плечи он был немногим менее метра, а длиной от конца носа до кончика коротенького хвоста свыше метра; голову имел короткую с большими глазами и белыми с черным отметинами возле губ. Шубка его имела светлую рыжеватую-коричневую летнюю окраску, с которой представляло эффектный контраст большое белое пятно на груди. Он остался очень доволен детьми, подаренными ему женой, и выразил свое удовольствие коротким и резким криком.

Вся семья прожила некоторое время в лесу, питаясь травой, плющом и молодыми побегами деревьев, которые вскоре научились есть и малыши, предпочитавшие листья травы. Но все радости их жизни отравлялись мухами. Лес кишел ими, и они

кусали и терзали малышей до того, что, наконец, сама жизнь стала им в тягость.

Дело шло к тому, что надо было переселяться в горы—это был единственный способ избавиться от этой напасти: мошкара так высоко не забирается.

В горах живут большие красные олени с ветвистыми рогами. От них косулям не грозило ни малейшей опасности, так как они были с ними добрыми друзьями. Кроме тетеревов, ни одна птица и ни одно животное не делает для красных оленей столько, сколько делают косули. При первом признаке опасности они бьют тревогу и дают оленьим стадам время убежать через горы в безопасные места. Часто, когда охотники отправляются на лов, косули портят им все дело, шныряя между ними и их добычей. Поэтому им совершенно нечего было бояться своих крупных родственников.

И вот наше семейство косуль отправилось в горы, из страха перед человеком избирая для перехода ночные часы. На высотах пища была менее обильна, но все же было достаточно травы, чтобы не терпеть голода, а прохладная тень не отравлялась маленькими крылатыми мучителями, которые кишмя-кишели внизу.

С своих новых пастбищ косули могли окинуть взглядом и сосновый лес, и березовые, ольховые и еловые перелески, и тянувшиеся вниз по долине поля зреющих посевов. А когда они ложились головой к ветру, никакая опасность не могла грозить им.

К юсени рога красных оленей достигли полного роста и почти освободились от покрывающего их бархатистого покрова. Вместе с осенью пришли в лес и охотники. Отрывистый треск выстрела звучал так коротко, что не успевал даже вызвать страха, поэтому гораздо страшней казался сам охотник. Стоило косулям почуять его, как они принимались вызывающе «лаять» (как выражаются охотники), и их голос был так же выразителен, как крик тетерева, тоже глубоко ненавидевшего непрошенных гостей. К счастью для охотников, у косуль был и другой интерес в августе месяце. Это была пора их любви, и в это время они с меньшей бдительностью относились к опасностям.

Чета косуль теперь сильнее, чем когда-либо, выказывала нежность друг к другу, и малыши часто оставались предоставленными самим себе. Родители их ухаживали друг за другом, играли и были так счастливы, что, когда в одно прекрасное утро в их игру задумал вмешаться второй самец, между животными произошла жестокая схватка. Малыши наблюдали за ней издали. Как только их отец увидел незваного гостя, он бросился на него с опущенной головой. Тот тоже опустил голову, чтобы принять атаку; они сшиблись и, казалось, рога их переплелись. Затем они разошлись, но только для того, чтобы снова броситься друг на друга, а так как каждый из них желал избежать удара противника, то схватка не дала никаких результатов. Тогда противники стали бить

землю передними ногами и, наконец, поднялись на дыбы. Тут отец малышей изловчился и нанес рогами удар, глубоко распоровший бок соперника. На этом бой окончился, и нарушитель семейного спокойствия ушел, оставив за собой небольшой кровавый след, указывавший куда он направился.

Самка наблюдала за сражающимися с безопасного расстояния и, как только бой окончился, издала обычный тихий призывный крик. Забыв свои раны, супруг во всю прыть бросился к ней. Минуты боя наполнили сердце самки тревогой, так как по законам леса она должна была бы последовать за незнакомцем, если бы победителем оказался он.

В этот же самый день после полудня, когда родители все еще были заняты друг другом, малыши добрались до группы скал, громоздившихся при выходе из расщелины. Внизу не видно было ничего опасного, и кругом попрежнему все было пустынно. Но далеко-далеко вверху, в синей глубине неба, золотой орел уже с минуту неподвижно висел в воздухе, раздумывая, где бы достать себе ужин. Не подозревая ничего дурного, малютка-косуля приблизилась к краю высокой скалы, нависшей над ущельем. С того места, где находился орел, она была видна, как на ладони.

Быстрым порывом огромная птица прорезала воздух и, упав на малютку, вонзила острые когти глубоко в спину, а могучие крылья забили с

такой силой, что несчастный детеныш замертво упал вниз на скалы.

Удостоверившись быстрым круговым полетом в том, что ниоткуда ему опасность не грозит, орел продолжал свое кровавое дело. Вырвав из распростертого тела наиболее соблазнительные для него куски, он поднялся ввысь с хриплым криком торжества и полетел к ближайшей реке, чтобы обмыть окровавленный клюв и когти.

Родители, повидимому, не так сильно почувствовали свою потерю, как почувствовали бы ее месяц тому назад, но брат маленькой косули видел всю происшедшую трагедию, лежа в соседнем вереске, и плотно прижавшись к земле, точно заяц в борозде. Теперь он по опыту знал, что опасность может появиться отовсюду. И, словно в подтверждение этого мнения, через несколько дней, пасясь вечером в лесу недалеко от горной тропы, он услышал какой-то топот, заставивший его плотно прилечь к земле.

Звуки все приближались, и малыш боялся пошевельнуться; через несколько секунд на узкой тропе показалась лошадь, рядом с которой шел погонщик. К спине лошади был привязан мертвый красный олень, с зияющей раной на шее.

Малыш узнал убитого: это был один из владык леса, рогами которого восхищались все самки, жившие в этих местах. Да, в этот вечер два раза прогремело ружье в направлении особенно любимой оленем расщелины, и, вероятно, там-то пуля и настигла свою жертву.

Малыш, крадучись, вернулся к матери; у него пропала всякая охота к прогулкам.

В лесу уже стало заметно свежеть, а на рассвете и на закате поднимались туманы, мешавшие пастьбе.

Наступало время возвращаться к подножью гор.

Семья косуль вернулась назад, в свои прежние места в густой поросли, и все трое начали менять свои шубки, постепенно теряя рыжий мех, который родители носили с мая месяца, а малыш с тех пор, как на нем исчезли белые пятна, и к октябрю, когда большие олени ревели на горных пастбищах, вся семья косуль облеклась в более густые шубки, которые должны были прослужить им до возвращения весны. Они оделись как раз вó-время, потому что сезон ясных дней миновал. Теперь тучи окутывали высокие горы, красные тетерева улетели, горные куропатки надели свое белое оперенье, и голубой горный заяц последовал их мудрому примеру.

Облекшись в зимнюю одежду, старшие косули очень похорошели. Они начали жиреть, находя везде обильную пищу. Мать и детеныш питались верхушками молодых деревьев, плющем и лесными ягодами, отец отваживался делать набеги на поля репы, тянувшиеся внизу, за рощами, а также часто лакомился кукурузой, пока ее не сняли с полей.

Благодаря привычке бродить по ночам, необычайной остроте зрения и слуха и незаметной окраске,

он мог сравнительно безопасно разгуливать по участкам фермеров. Косуля и ее малютка были менее предприимчивы и предпочитали довольствоваться однообразной пищей, которую находили среди порослей, лишь бы не заходить далеко от дома. Любимой побужкой косули-самца был легкий галоп, обращавшийся в карьер в случае тревоги; рыси он не признавал, скакать же был готов всегда, показывая настоящие чудеса в прыжках в случаях крайней опасности.

К концу декабря уже некоторое время плохо державшиеся рога отпали, а новые в течение следующих шести или семи недель еще чуть-чуть развивались. Наконец, они все же достигли полного развития, и косуля-самец стер с них последние клочки бархата. К этому времени и у малыша показали на лбу два маленьких нароста, его первые рожки, и он так возгордился ими, что исковеркал не одно молодое деревцо, пробуя их силу.

Но для молодой косули рожки являются далеко не всегда благом. Иногда, когда малыш выбегал из рощи в сосновый лес, проволочная изгородь, окружавшая рощу, цеплялась за них и ломала их. Вред, причиненный молодым рожкам, когда они были еще очень мягки, навсегда испортил их форму, заставив расти криво в течение всей жизни косули. Но, хотя молодой самец и не был лишен известной доли тщеславия, этот недостаток не особенно беспокоил его, так как, когда он окончательно

вырос и вышел в свет, мало можно было встретить косуль красивей его.

В эту первую зиму его жизни к его родителям присоединилась вторая семья, состоявшая из отца, матери и маленькой самки, приблизительно одного с ним возраста. Они разгуливали и кормились вместе до самой весны. Самки и молодежь строго держались в пределах огороженных рощ, самцы же предпринимали более отдаленные экскурсии. Они все время занимались отыскиванием пищи, при чем для еды обе семьи выходили в определенные часы. Косули питались рано утром, в полдень и на солнечном закате, да и то паслись очень недолго и на возможно меньшем пространстве, готовые убежать при малейшем треске веточки в дальнем конце леса или лае собаки далеко за полями, или, наконец, когда ветер, дувший навстречу, доносил на своих крыльях запах человека.

В мае семьи разошлись, и самки удалились в самые уединенные уголки, которые только могли отыскать. Молодой самец теперь был предоставлен самому себе и отпраздновал эту перемену в своем положении, надев летнее рыжеватое-коричневое одеяние, сверкавшее, как медь, под лучами солнца. На это переодевание понадобился почти месяц, в продолжение которого он чувствовал себя нездоровым и угнетенным. Зато, как только процесс линяния окончился, он воспрянул духом, и его стало тянуть ко всяким приключениям.

Весь июнь он забавлялся бурными играми с другими молодыми косулями, своими сверстниками, но маленькие рога не давали игре принимать опасный оборот, притом же он не умел лаять, как лаяли в это время года более взрослые косули.

Однажды ночью он отправился в горы один, придерживаясь прошлогоднего следа, так как он взял себе за правило всегда выбирать знакомые тропы и совершать переходы в сумерках или в темноте.

Пользуясь лишь собственными силами для добычания пищи, молодой самец жил сытно и спокойно, пока август месяц не поднял охотников. Тогда, с присущей его молодым годам нервностью, он стал воображать, что дула всех ружей в округе направлены против него. Его чуткий слух, зоркий глаз и быстрая сообразительность часто предупреждали об опасности менее осторожных красных оленей и, если бы хоть половина проклятий охотников, сыпавшихся на его голову, возымела действие, дни его жизни быстро пришли бы к концу.

Как бы то ни было, в конце сентября он вернулся в рощу, глубоко убежденный в том, что жизни его беспрестанно грозит опасность; эта мысль руководила всеми его действиями и, несомненно, способствовала продлению его существования.

На этот раз в тех местах появился страстный охотник по оленям, человек, стрелявший крупную

дичь в прекрасной стране, лежащей между рекой Замбези и Угандой, и теперь пожелавший поохотиться на родине. Он уже успел добыть несколько красивых рогов более крупных оленей, теперь же ему вздумалось преследовать мелких оленей и косуль и изучить привычки водившейся в долине дичи.

Во всех рощах косули переменяли к этому более холодному времени свои одежды на коричневые с желтыми пятнами, и даже самому опытному взгляду стало трудно следить за их движениями. Они скользили по тенистым уголкам леса так легко и бесшумно, как солнечный луч скользит в июне по лугу. Ни один листок не шевелился при их приближении, ни одна веточка не трещала под их ногами, потому что они всегда следовали хорошо изученными путями.

В летнюю жару косули уходили в высокие горы, а осенью становились очень робкими. Охотник все это заметил. Он нашел себе местечко, откуда мог наблюдать за передвижением косуль при помощи полевого бинокля.

Однажды он целую ночь просидел в засаде, не обращая внимания на холод и туман, а когда небо озарилось первыми проблесками рассвета, он выследил отца молодой косули.

Старый самец сделал два огромных скачка и понесся галопом. Охотник ничуть не растерялся; его зоркий глаз указал ему, куда надо целиться, принимая в расчет быстрый бег косули. Когда он,

наконец, выстрелил, самец сделал один последний отчаянный скачок вверх и упал, сраженный пулей. Притаившийся у края кукурузного поля молодой самец в трепетном страхе прилег к земле, как прилег в прошлом году, когда золотой горный орел схватил его сестру.

Был конец ноября, и молодой самец-косуля сильно разжирел. В распоряжении косуль было зерно, ботва репы и разные ягоды, а также нежные кончики ветвей и трав, которыми они могли питаться, сколько им было угодно. Быть может, именно это обилие пищи и удерживало их на старом месте, несмотря на окружавшие их опасности.

Охотник отлично знал и количество голов косуль и возраст всех обитателей рощ и леса и успел убить еще двух косуль, прежде чем они потеряли свои рога. В январе и в феврале ему удалось застрелить несколько жирных косуль, соперничая с животными в хитрости и не имея никаких помощников, кроме хорошо выдрессированной собаки.

Он легко мог бы застрелить и молодого самца, если бы ему этого захотелось, но новые рога косули имели только передний отросток, вырастающий на втором году в двух третях от основания рога, а такие маленькие рожки имели мало привлекательного для охотника.

Наконец, в конце февраля охотник покинул Шотландию и не возвращался три года. В его отсутствие, мир леса никем не нарушался. Правда,

фермеры застрелили пару-другую ланей на своих полях, и в особенно суровую зиму браконьеры тоже убили несколько штук косуль, но молодой самец продолжал благоденствовать.

На третьем году его жизни и второй отросток появился между передним отростком и концом рога, и теперь он мог считать себя вполне вооруженным. Он научился «лаять» довольно громко, бился за самку и отбил ее у прежнего владыки, был отцом, хотя и не нес никаких обязанностей, и считался одним из самых хитрых самцов-косуль в окрестности.

Он бродил повсюду, но ни разу не попал ни в какую беду: ни крючья, ни сети не могли уловить его. Мечь озлобленных фермеров, охотников и владельцев рощ, которым он приносил огромный вред, не могла настигнуть его. Даже во время сна каким-то непонятным путем вести об опасности достигали его мозга и сразу возвращали ему полное сознание. Его зимний вес достиг почти двух пудов, а рога сильно выросли, хотя форма их и была испорчена еще в те дни, когда они представляли собой лишь наросты.

В конце августа охотник вернулся в Шотландию и принялся охотиться за красными оленями, пока им не пришла пора реветь и отыскивать самок. Тогда он отправился на юг и вернулся только в январе, когда землю покрывал густой снег и вся страна находилась во власти бурь и выюг,

а олени потеряли рога. Он вернулся на свой прежний наблюдательный пост и стал наблюдать за тем, как кормятся косули. Его бинокль скоро показал ему то, что его интересовало. Он увидел, как самка-косуля вышла из леса, чтобы полакомиться кореньями из кучи, положенной по его приказанию в конце возделанного участка. Немного спустя, к ней присоединился четырехлетний самец— красивое, стройное животное.

В разных местах лесных участков он увидел еще косуль и заметил, что суровая погода согнала с высоких гор даже несколько крупных, красивых оленей. Но все его внимание сосредоточилось на первой паре косуль. Он, конечно, не мог знать, что это были его старые знакомые и что он пощадил этого самого самца, когда рога его только что начали отрастать. Может быть, его привлекло необычайное старание косуль остаться незамеченными и манера самца выдвигать вперед свою подругу в виде разведчицы, исчезая при малейшем признаке опасности и предоставляя самке следовать за ним.

Много дней старался охотник приблизиться к этой паре при помощи собаки, устраивая засады возле их кругообразных следов и даже иногда призывая на помощь Дональда.

Четыре года зорких наблюдений сделали самца-косулю чрезвычайно осторожным, и он, пользуясь своей защитной окраской, свободно переходил из саженой рощи в сосновый лес, невидимый и неслышимый, в то время как самка следовала за ним,

не менее удачно избегая преследования. На несколько дней подряд уходили они из пределов зрения охотника, неизменно возвращаясь, как только им казалось, что опасность миновала.

Между тем рога самца-косули отрастали, бархат с них облетел, и он обратился в великолепного самца с хорошо развитой головой и бедрами.

Большинство людей уже давно примирилось бы со своей неудачей, но охотник был не таков и не хотел признать себя побежденным. Много в жизни приходилось ему охотиться в разных странах, и велико было его знание нравов обитателей леса. С величайшей тщательностью изучив тропы, по которым самец-косуля переходил из соснового леса в рощу и на пастбище, он оставил эту область на несколько дней в полном покое, затем, воспользовавшись сильным ветром, прокрался в заранее приготовленное местечко, где Дональд вырыл яму и воздвиг прикрытие из вереска. По краю рощи было сделано еще несколько подобных прикрытий из вереска, и косули перестали их бояться.

В этот вечер первой вышла косуля-самка и направилась к небольшому участку зеленой травы, защищенному от снега деревьями. Она казалась очень тревожной и неуверенной, несколько раз останавливалась, подняв голову и переднюю ногу, точно обнюхивая воздух. Наконец, она оказалась в шестидесяти шагах от ямы, боком к охотнику... Выстрел был меткий, и самка с простреленной головой упала на зеленую лужайку.

Обрадованный удачей, торопливо унёс охотник свою добычу, уверенный, что скоро и самец угодит под его следующий выстрел.

Два дня и две ночи шел густой снег, и когда он прекратился, в ясную послеобеденную пору охотник снова отправился в засаду, пользуясь ветром и скрываясь за деревьями, чтобы добрать-ся незамеченным до своей ямы.

Лес стоял пустынный и унылый, и нигде не раздавалось ни малейшего звука, свидетельствовавшего о присутствии живого существа. Охотник тихо положил на землю ружье и вытащил из кармана маленький свисток, подаренный ему старым охотником по косулям в Тирольских Альпах. Он приложил свисток к губам...

Красуясь чистыми, великолепно разросшимися рогами, самец-косуля бродил в самой чаще рощи, когда услышал звуки, издаваемые самкой в самую приятную пору его жизни... Верный своему инстинкту, он забыл все правила осторожности и бросился опроретью по направлению звука, который раздавался за маленьким снеговым холмиком, где раньше стояло прикрытие из вереска. Быстро сократилось расстояние, отделявшее его от охотника, и вдруг навстречу косуле высунулось дуло ружья; одним могучим усилием он сдержал свой бег и остановился, готовясь повернуть обратно.

В этот момент раздался выстрел, и молодой самец упал на тропу мертвым.

БОИ У ИСТОЧНИКА

Рассказ Чарльса Робертса

I

Далеко к северо-востоку от горы Рингваак, сейчас же за глубоким окаймленным елями озером, дающим начало реки Оттанунзис, поднимаются суровые вершины горного хребта Валкевича, господствующие над невозделанной и почти никогда не посещаемой человеком пустыней. На большой высоте по юго-восточному склону высокой пикообразной вершины идет широкая открытая терраса, болотистая и суровая почва которой не производит ничего, кроме низкорослых кустов. Нежные побеги этой поросли служат любимым лакомством оленя-карибу, который хотя и не любит высот, часто заходит сюда из своих суровых кочковатых долин в поисках этой ароматной пищи.

Но на этой высокой горной площадке есть и еще нечто, привлекающее карибу. Возле самого ее края, там, где гранитный карниз круто обрывается к озеру, из-под корней густой низкой поросли выбивается тонкими струйками почти незаметный железистый источник, насыщенный солью. Вокруг

обнаженного пространства, образуемого струйками источника, и дальше, огибая чашу, идет след, протоптанный ногами карибу, лосей, медведей, оленей и других зверей. И когда вместе с осенней луной приходит пора любви и боев, самцы карибу имеют обыкновение собираться возле этого источника и с наслаждением кататься в его соленой грязи.

Голые близнецы-вершины казались призрачно-белыми под заливающими их лучами только что поднявшейся полной луны, которая плыла, точно огненный шар, над далеким темным лесистым горизонтом. Но покрытый кустами карниз и источник у чаши еще находились в тени.

По звериной тропе бесшумно приближалась с видом гордого достоинства бледная тень. Это был большой серовато-белый самец карибу с широкими ветвистыми рогами.

Подойдя к источнику, карибу остановился и принялся обнюхивать резко пахнущую грязь. Повидимому, он не почуял ни побывавшего здесь до него соперника, ни самки, вышедшей сюда на свидание. Подняв свою великолепную голову, он осмотрел окружающий его со всех сторон сумрак и перевел взгляд на круто поднимающиеся освещенные склоны обеих вершин. Когда свет распространился вниз по горе и достиг края карниза, а поднявшаяся луна открылась его глазам, он несколько раз резко «прозвонил» над темной пустыней, расстилавшейся под ним.

Не получив никакого ответа на свой вызов, огромный самец снова обратил внимание на грязь, окружавшую источник. Снова тщательно обнюхав ее, он стал возбужденно взрывать ее короткими, широкими, мелко-зубчатыми выступами, низко нависшими над его лбом, которые охотники называют «плугами». Поминутно он свирепо взмахивал головой, как это делает обыкновенно бык, и скидывал грязь себе на плечи; затем стал топтать пахучую холодную грязь, пока она не приобрела достаточной густоты; тогда он снова обнюхал ее и подняв голову «прозвонил» новый вызов в далекую глушь. Не получив никакого ответа, он возмущенно фыркнул, бросился в размешанную им грязь и принялся валяться в ней медленно, но порывисто, громко храпя от наслаждения.

Место, где он валялся, теперь уже было ярко залито дунным светом. При этом таинственном освещении, весь покрытый блестящей грязью, карibu имел странный и неуклюжий вид, напоминающая собой огромное доисторическое чудовище. Но вдруг он перестал валяться и поднял рога, с которых капала грязь. Несколько мгновений он пролежал неподвижно, словно окаменев, и чутко прислушивался. Он расслышал треск сучка на тропе под краем карниза. Звук повторился, и карibu все стало понятно. Шумно отдуваясь, словно для того, чтобы очистить ноздри от грязи, он поднялся на ноги, вышел на сухое место и остановился, гордо смотря на тропу, по которой пришел. В следующее

мгновение показалась вторая пара рогов, и второй самец, высокий, худой, с длинными остро-конечными узкими рогами, вышел из-под края карниза и остановился, рассматривая стоявшего перед ним соперника.

Незнакомец по окраске был темнее, отличался более тонким строением, вообще имел менее внушительный вид, но бодро и бесстрашно окинул быстрым небрежным взглядом покрытую грязью фигуру своего соперника, и смело приблизился для атаки. Противники, наверное ни разу до этого не видели друг друга, но в пору любви все самцы карибу—враги с первой встречи.

Белый самец—теперь уже не белый, а серебристо-черный под лучами луны,—несколько секунд стоял совершенно неподвижно, низко опустив голову, выставив вперед широкие, массивные рога, твердо упирая в землю расставленные ноги. Грозный в своей неподвижности, он подождал, пока его легконогий и добродушный противник не приблизился к нему на расстояние двадцати шагов. Тогда, громко фыркнув, он бросился в атаку.

Следуя обычаю всех видов оленей, второй самец опустил рога, чтобы отразить нападение, но в самую последнюю минуту передумал. Отпрянув в сторону с молниеносной быстротой, напоминающей скорее движения оленя, чем обыкновенного карибу, он во-время избежал удара и в то же время одним из острых отростков рога нанес длинную рану в бок противника...

Сбитый с толку этой необычной для карibu тактикой и обозленный болью от нанесенной ему раны, белый самец, изменив направление, снова бросился в атаку, ослепленный безграничной яростью.

Ловкий незнакомец уже успел повернуться и снова ожидал его, стоя на самом краю источника, и держа наготове опущенные рога. На этот раз, он, казалось, решил стойко выдержать атаку, но вдруг снова избежал удара, отпрянув в сторону, точно на пружинах, и его острые рога еще раз избороздили бок противника. С яростным храпом последний влетел в грязь, поскользнулся и упал на колени.

Будь второй самец немного сообразительней, он теперь мог бы использовать тяжелое положение врага и одержать легкую победу, но он колебался, слишком увлеченный собственным способом борьбы и упустил удобный случай. Белый самец быстро оправился, с внезапно пробудившейся ловкостью вскочил на ноги и встал настороже.

Две роковые неудачи придали боевой ярости белого самца большую осторожность и осмотрительность. Его раны и временное поражение убедили его в том, что он имеет дело с опасным противником. Несколько секунд стоял он в чутком раздумьи, не расставляя тяжеловесных ног для отражения нападающего, и лишь слегка покачиваясь, собирая все свои силы. Более подвижной враг его легко и вызывающе переминался с ноги на ногу, стоя перед ним.

Решившись снова возобновить нападение, белый самец вместо того, чтобы порывисто броситься в атаку и смести противника с лица земли, двинулся вперед быстрыми шагами, готовый остановиться в любую секунду и таким образом парализовать боковой удар врага. Подойдя на несколько шагов к противнику, он остановился, как вкопанный. Соперник тоже стоял неподвижно, опустив рога, как и раньше, повидимому совершенно готовый вступить в бой. Но белого карибу нельзя уже было соблазнить на новую атаку. В злобном нетерпении он бил землю передним копытом.

Словно в ответ на вызов бьющего землю копыта, незнакомец молнией бросился вперед, но на всем скаку отклонился в сторону, пытаясь снова ударить противника в бок. Однако, как ни был он проворен и хитер, белый карибу на этот раз не дал захватить себя врасплох. Он быстро повернулся, низко опустив голову. С резким сухим стуком две пары рогов сшиблись и сомкнулись. Допустить подобный оборот борьбы было неправимой ошибкой со стороны стройного незнакомца.

В тесной схватке, где в одинаковых условиях боролись ярость против ярости и сила против силы, его проворство и ловкость потеряли всякое значение. Правда, при помощи отчаянных усилий, ему удалось на несколько секунд противостоять более тяжелому и могучему врагу. Отставив далеко

назад задние ноги, напрягши бедра, с вздымающимися и трепещущими боками, оба соперника крепко держались на ногах; отрывистый храп и фыркание доказывали напряженность их усилий.

Но вот задние ноги младшего самца слегка скользнули. Судорожным движением он снова утвердился на них, и опять началась упорная борьба на одном месте. Но это продолжалось всего несколько мгновений. Внезапно, точно чувствуя, что нужный момент настал, белый самец напряг все свои силы для еще более могучего удара. Ноги его противника смялись под ним, точно бумажные. Это поражение могло бы оказаться роковым для молодого карibu, но, к его счастью, он упал на самый край карниза.

Высвободив могучие рога, победитель злобно и коварно ударил ими свою жертву в незащищенный бок, когда она делала отчаянные усилия, чтобы встать на ноги, едва цепляясь за покрытый травой край выступа. Молодой карibu отчаянно забился, стараясь избежать острых рогов, и под его тяжестью кусты и дерн сорвались, и он покатился вниз, пока густая чаща молодых елей не задержала его.

Избитый, но не имея опасных ран, он встал на ноги и поспешно скрылся в сумраке леса. Победитель же стоял весь залитый белым лунным светом, и хриплым «звоном» возвещал в простор ночи о своем торжестве.

II

Но вот из-за поворота тропы раздался топот копыт, правда, неуверенный, но и не крадущийся. Большой белый самец свирепо обернулся, чтобы рассмотреть, кто приближается. Но при первом же взгляде на нового гостя сердито взъерошенная бахрома волос на его шее миролюбиво опустилась. Привлеченная его зовом и шумом битвы, молодая самка показалась из чащи.

Выйдя на свет в нескольких шагах от источника, самка скромно остановилась; точно неуверенная в ласковом приеме. Она издала из глубины горла какой-то протяжный призывный звук, который показался белому самцу сладкой музыкой. Он ответил очень мягко и сделал несколько шагов ей навстречу, как будто приглашая, но не преследуя. Успокоенная молодая самка стала доверчиво приближаться к нему.

В эту минуту из самого сердца чащи вынырнула огромная, неуклюжая черная фигура с широкими, свирепыми челюстями и сверкающими под лучами луны зубами. Казалось, что она пронеслась по воздуху, словно падая с высоты. Огромная вооруженная когтями лапа ударила молодую самку в самую середину шеи. Это был сокрушительный удар, разбивший позвонки, несмотря на покрывавшие их мускулы. Со стоном упала самка вперед, зарывшись вытянутой вперед мордой в грязь, окружающую источник. Гигантская туша

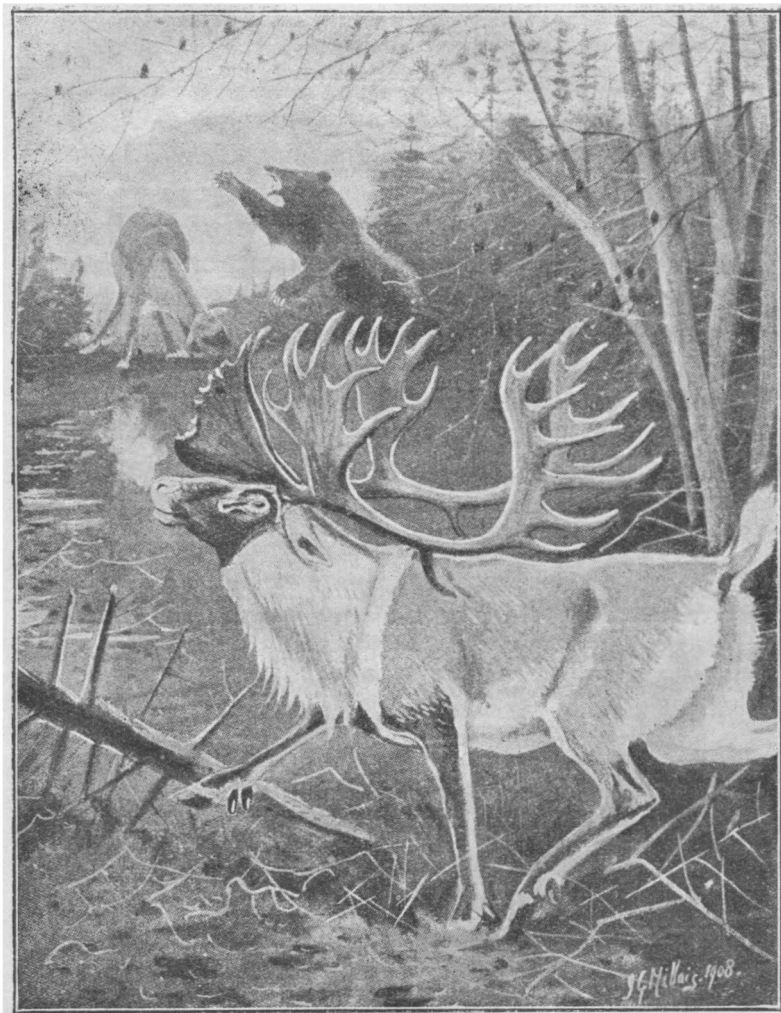
медведя обрушилась на нее, когти жадно разрывали теплое мясо...

В девяносто девяти случаях из ста самый горячий и сильный самец-карибу уклоняется от стычек с взрослым горным медведем. Обыкновенно подобный поединок оказывается жестоко неравным. Медведь, со своей стороны, знает, что отважный самец далеко не легкая добыча. Этот медведь засевавший в чаще, ожидал, пока один или оба дравшихся карibu получат опасные раны, чтобы затем напасть на них. Приход молодой самки был для него неожиданным сюрпризом, и он воспользовался счастливым случаем, не обращая никакого внимания на присутствие белого самца.

Но именно этот карibu оказался исключением среди своих собратьев и поступил совершенно неожиданно, вопреки обычной их тактике. Он не знал страха, был равнодушен ко всяким случайностям и к тому же возбужден только что одержанной победой.

Несколько секунд он простоял неподвижно, пораженный ужасным зрелищем происшедшей катастрофы. Затем жесткие волосы на шее и плечах поднялись дыбом, в глазах засверкали красные огоньки, и, не издав ни звука, он бросился вперед...

Когда самцы карibu сражаются между собой, единственным их оружием являются рога. Когда же они борются с другими зверями, они обычно держат голову высоко и бьются сильными передними копытами с острыми, как нож, краями.

Огромная, вооруженная когтями лапа медведя ударила молодую самку в самую середину шеи...

Взобравшись на свою, еще трепещущую добычу, медведь был слишком поглощен ею и слишком самонадеян, чтобы ожидать какого-либо нападения. Поэтому карибу налетел на него раньше, чем медведь успел защитить свой открытый бок. Уголком глаза он увидел большую сверкающую фигуру, внезапно подымающуюся над ним. Как ловкий боец, он выбросил могучую лапу, чтобы отклонить удар. Но было слишком поздно. Со всей силой мстительной ярости огромные копыта с острыми краями опустились на его бок, переломив несколько ребер и прорезав широкую рану в нижней части живота. Удар был так ужасен, что контрудар медведя, обычно такой быстрый и верный, совершенно не попал в цель, и он откатился далеко от трупа самки.

Нанеся удар, белый карибу сейчас же легко отскочил в сторону, хорошо зная быстрые и смертоносные удары медвежьей лапы. Но тотчас же он ударил еще раз в тот момент, когда медведь старался подняться на ноги.

Обезумевший от удивления, ярости и боли, медведь пытался отклонить удар. Ему действительно удалось защитить свой бок от острого копыта, но в это время он получил сокрушительный удар по левому плечу, лишивший его возможности двигать лапой. С злобным рычанием медведь повернулся правым боком к врагу и приподнялся на задних лапах, готовясь к защите.

Хотя и сильно израненный, медведь еще далеко не был побежден. Один стремительный удар правой лапой, если бы только ему удалось нанести его в подходящее место—нос, шею, или ногу,—мог бы еще даровать ему победу. Тогда медведь мог бы уползти подальше, в дикую чащу, и там зализать свои раны, оставив разбитого врага умереть у источника. Но не сумевший во-время оценить своего первого противника, белый карибу отлично понял, какую опасность представляет второй.

Теперь он был настолько же осторожен, насколько был опрометчив при первой битве. К тому же он только что получил страшный наглядный урок. Лежащее перед ним тело самки не позволяло ему забыть о медвежьей силе.

Беспокойно топчась на месте, грозя то копытом, то рогами, карибу, казалось, каждое мгновение был готов к новому нападению, и медведь упорно следил за его малейшим движением, качая головой и грозно сверкая маленькими глазками. Уже не раз напрягал карибу мускулы, чтобы повторить нападение, но каждый раз его удерживало соображение, что тело убитой самки лежит как раз у него на дороге, мешая уклониться от контр-удара.

После нескольких минут подобной игры, карибу остановился неподвижно, обдумывая новый план атаки. Медведь также замер в каменной неподвижности.

Медленно тянулись секунды, когда, наконец, жуткое молчание было прервано тоскливым криком

болотной совы, раздавшимся с лежащего далеко внизу озера. Когда этот крик достиг горного склона, белый карибу зашевелился, встряхнул рогами и громко продул ноздри.

Это был вызов, но медведь сразу почувал, что враг его постепенно теряет свою уверенность. Быть может в конце концов удастся и не продолжать этого боя, в котором он так жестоко пострадал, Медведь опустил, перевернулся с такой быстротой, что едва можно было уследить за его движением, и в мгновение ока снова стоял на задних лапах, грозно подняв переднюю правую, и в глазах его сверкал вызов. Его движение было признанием собственного поражения, но поза предупреждала, что даже побежденный, он все еще опасен.

Карибу двинулся к нему, но переступив передними ногами через преграждавшее ему дорогу тело самки, остановился над нею и снова враги замерли, стоя друг перед другом в угрожающих позах...

На этот раз, однако, напряженное положение было прервано самим медведем. Он внезапно повторил недавний прием и снова повернулся лицом к врагу. Но карибу не принял вызова. Он продолжал стоять совершенно неподвижно, точно удовлетворенный своей победой, и, через несколько секунд, поняв, что битва кончена, медведь медленно сошел с тропы, и, тяжело хромя, побрел по кустам, боязливо оглядываясь через плечо и, наконец, исчез в густой поросли кустов на склоне горы.

Белый карибу с гордостью смотрел ему вслед. Затем он склонил голову к истерзанному безжизненному телу, лежащему у его ног. Он только теперь обратил внимание на убитую самку и, опустив голову, стал обнюхивать тело с недоумевающим видом.

Запах еще теплой растекающейся крови проник в его ноздри. Он тряхнул головой, дико захрапел и бросился в сторону от непонятного, страшного предмета, лежащего на земле, перепрыгнул через источник, точно и он стал страшным и грозным, и понесся вверх по тропе, залитой все озаряющим светом луны, и только темный лес погасил внезапный страх карибу перед неизвестным.

ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ

15 сборников необычайных рассказов из жизни домашних и диких животных

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. А. ПОПОВА

Все книги в красочных художественных обложках и с рисунками худ. **В. Ватагина**

ОБЕЗЬЯНЫ

Обезьяны. Очерк (по Брэмму). — **Оранг-спаситель.** Рассказ А. Хублона. — **Гора павианов.** Рассказ Мортимера Баттена. — **Храм обезьян.** Рассказ Томпсона Кросса. — **Обезьяна шарманщика.** Рассказ из нью-йоркской жизни Германа Шефауэра. — **Горилла на корабле.** Морской рассказ кап. Фурга. — **Господин леса.** Рассказ из жизни даяков острова Борнео Морица Эрстера. — **Беглец Беппо.** Приключения ручной обезьяны. — **Среди „лесных людей“.** Рассказ из жизни человекообразных обезьян Рони.

СЛОНЫ

Слоны. Очерк (по Брэмму). — **Танец слонов.** Из жизни индийских рабочих слонов. Рассказ Киплинга. — **Слон Юмбо.** Приключения африканского слона. Рассказ Вл. Алешина. — **Слон Рваные уши.** Приключения дикого индийского слона. Рассказ А. Хублона. — **Слон-мятежник.** Из жизни индийского рабочего слона. Рассказ Киплинга. — **Московский слоненок Бэби.** Из воспоминаний Вл. Л. Дурова. — **Грозный отшельник.** Из жизни дикого индийского слона. Рассказ М. Алазапцева. — **Ловля диких слонов.** Приключения американского траппера Чарльса Майера.

СОБАКИ

Собаки. Очерк (по Брэмму). — **Пятнистый.** Рассказ из жизни пожарной собаки Ллойда Вилис. — **Бультерьер Снэп.** Рассказ Сэтона Томпсона. — **Аляска собака Волк.** Рассказ Джека Лондона. — **Бонами.** Рассказ Жепстера Огл. — **Цера.** Рассказ Леона Фрапье. — **Бек.** Рассказ Джека Лондона. — **Зонни и Кид.** Рассказ Чарльса Робертса. — **Майк.** Рассказ из жизни эскимосской собаки. — **Грозная стая.** Рассказ Гордона Кассерли.

КОШКИ

Кошки. Очерк (по Брэм у).—**Кот-Робинзон.** Рассказ Ф. Марза.—**Трушобная кошка.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Дикая кошка.** Рассказ А. Калинина.—**Безумство храбрых.** Истинное происшествие.—**Кот Фараон.** Рассказ Ф. Марза.—**Боцман.** Рассказ о замечательном корабельном коте М. Де-Мара.

ТИГРЫ

Тигры. Очерк (по Брэм у).—**Полосатый лорд джунглей.** Рассказ из жизни индийских лесов А. Хублона.—**Как я выудил тигра.** Рассказ Д. Кроутфорда.—**Тигр Голубой Сопки.** Манчжурский рассказ Б. Скубенко-Яблоновского.—**Тигровая осада.** Рассказ Томаса Трипа.—**В пасти тигра.** Индусская новелла Сарат Кумар Гхоша.—**Тигр из Тантанолы.** Рассказ Дональда Маглина.—**Самсон и Далила.** Рассказ Рони Тевенена.—**Желтый глаз.** Туркестанский рассказ А. Романовского.—**Единоборство с тигром.** Рассказ М. Батенина.

ЛЬВЫ

Львы. Очерк (по Брэм у).—**„Господин пустыни“.** Рассказ В. И. Немировича-Данченко.—**О трех львах.** Рассказ Райдера Хаггарда.—**Лев Саладин.** Рассказ Франка Севиля.—**Игрушка львицы.** Рассказ М. Алазанцева.—**Ночь мести.** Рассказ Е. Пенциона.—**Лев Цезарь.** Из жизни циркового льва. Рассказ Оливера Фокса.—**Львиная ночь.** Рассказ д-ра Елисеева.—**У львиного водооя.** Рассказ охотника на львов Стюарта Уайт.

ЛИСЫ

Лисы. Очерк (по Брэм у).—**Лиса браконьера.** Рассказ Луи Перго.—**Лиса-капканщица.** Рассказ Дейне Кулидж.—**Лисята Этьенна.** Рассказ Д. Френсиса.—**Спрингфильдская лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.—**Лисьи фермы.** Очерк о разведении лисиц.—**Рейнеке-лис.** Рассказ Х. Онруд.—**Серебристая лиса.** Рассказ Сэтона Томпсона.

МЕДВЕДИ

Медведи. Очерк (по Брэм у).—**На перегонки со смертью.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Игра в прятки.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Медведь в сетях.** Приключение охотника на медведей в Калифорнии.—**Медвежонок-муравьед.**

Рассказ **Мортимера Баттена**.—**Приключения полярного медведя**. Рассказ **Сейлора**.—**Медведь-спаситель**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Между лавиной и медведем**. Приключение в **Скалистых горах**.—**У тюленьей отдушины**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Медвежонок-стрелочник**. Рассказ **Мортимера Баттена**.

ВОЛКИ

Волки. Очерк (по **Брэму**).—**Серый волчонок**. Рассказ **Джека Лондона**.—**Волчий вождь**. Рассказ **Джона Мэкки**.—**Волк—приемыш отшельника**. Канадский рассказ **С. Блэка**.—**Бешеный волк**. Рассказ **Н. Рагоза**.—**Одинокий разведчик**. Рассказ **Ф. Марза**.—**Волки-призраки**. Рассказ из жизни индийских джунглей **А. Хублона**.—**Лобо—властелин Куррумпо**. Рассказ **Сэтона Томпсона**.

КРЫСЫ

Крысы. Очерк (по **Брэму**).—**Слепые крысы**. Рассказ **Ф. Марза**.—**Международный враг**. Из истории борьбы человека с крысами. — **Сумчатая крыса**. Рассказ **Сэтона Томпсона**.—**Похождения бурой крысы**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Черная крыса**.—Рассказ **Ф. Марза**.—**Крыса и неизвестный**. Рассказ **Ф. Марза**.—**Война в лесном болоте**. Рассказ **Ф. Марза**.—**Похождения окопной крысы**. Рассказ **Ф. Марза**.

ЛОСИ

Лоси. Очерк (по **Брэму**).—**Лось-великан**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**За белым лосем**. Рассказ **Мортимера Баттена**.—**Необычайный гость**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Рогатый вор**. Рассказ **А. Барченко**.—**Длиннобородый и ширококорый**. Рассказ о русских лосях **С. Покровского**.—**Лесное братство**. Рассказ **А. Герберта**.—**Лоси-беглецы**. Рассказ **Чарльса Робертса**.

ОЛЕНИ

Олени. Очерк (по **Брэму**).—**В стаде диких карibu**. Рассказ из жизни в канадских лесах **Чарльса Робертса**.—**Лесная встреча**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Поездка на северных оленях**. Рассказ **К. Гакман**.—**По следам Оленя Песчаного Холма**. Рассказ **Сэтона Томпсона**.—**Выстрел сострадания**. Рассказ **Б. Скубенко-Яблоновского**.—**Два карibu**. Рассказ **Чарльса Робертса**.—**Приключения семьи косуль**. Рассказ **Ч. Бенсусана**.—**Бой у источника**. Рассказ **Чарльса Робертса**.

БИЗОНЫ

Быки. Очерк (по Брэм у).—**Последний бизон.** Очерк Чарльса Робертса.—**Бизон—решитель судьбы.** Рассказ Мэри Маккинг.—**Всем чужой.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Страшный зверь.** Рассказ Г. Барстоф.—**Братья по ярму.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Встреча с тибетским яком.** Рассказ Д. Рида.—**Последняя великая ловля бизонов.** Рассказ Фредерика Талбота.—**Бычок снежных пустынь.** Рассказ из жизни мускусных быков Чарльса Робертса.

ОСЛЫ

Ослы. Очерк (по Брэм у).—**Три осла в Пиренеях.** Рассказ Лео Уальмслея.—**Длинноухая актриса.** Рассказ Л. Вильямса.—**Осел Упайдуллы.** Рассказ А. Ситина.—**Осел, возненавидевший рабство.** Рассказ Э. Сквайра.—**Удивительный осел.** Рассказ Жирардена.—**Ослица Джаннет.** Рассказ Дзен Грей.

КОНИ

Кони. Очерк (по Брэм у).—**Вороной Скалистых гор.** Рассказ Е. Милльс.—**Укрощение строптивых.** Рассказ Г. Бенно.—**Жеребенок-Робинзон.** Рассказ Чарльса Робертса.—**Упрямая скотина.** Рассказ Ганса Онруда.—**Вихрь степей.** Рассказ А. Даурского.—**Шахтенный конь.** Рассказ Черкасенко.—**Морской конь.** Рассказ Чарли Джексона.

Цена 70 коп.

Адрес Издательства (Правление):

Москва, Варварка, Псковский пер., 7.

Центральный Книжный Склад:

Москва, Лубянский Пассаж, помещ. 25—30

КАТАЛОГИ по требованию БЕСПЛАТНО